

В. Н. Болоцких
В. Г. Деев
В. А. Кузнецов

ИСТОРИЯ РОССИИ. ТОМ 2. XIX–XX ВЕКА

Учебное издание

В. Н. Болоцких

**История России. Том 2. XIX–
XX века. Учебное издание**

«Издательские решения»

Болоцких В. Н.

История России. Том 2. XIX–XX века. Учебное издание /
В. Н. Болоцких — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834099-4

Чтобы понять настоящее и прогнозировать будущее, необходимо познать прошлое. Познать не как набор фактов, а как закономерности развития общества и государства, экономики, культуры, сознания в их взаимосвязи и противостоянии. Это книга для чтения медленного, вдумчивого. Она для тех, кто хочет, может и делает свою жизнь сам, не боится ответственности. В ней нет готовых выводов, окончательных оценок.

ISBN 978-5-44-834099-4

© Болоцких В. Н.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 7. РОССИЯ В XIX ВЕКЕ: ВРЕМЯ РЕФОРМ	6
7.1. Промышленность и сельское хозяйство в дореформенный период	7
7.1.1. Сельское хозяйство: старое и новое	8
7.1.2. Промышленность и торговля в первой половине XIX в.	14
7.2. Отмена крепостного права и её последствия для деревни	18
7.2.1. Крестьянский вопрос при Александре I	19
7.2.2. Крестьянская политика Николая I	21
7.2.3. Подготовка отмены крепостного права	23
7.2.4. Как было отменено крепостное право	27
7.2.5. Последствия отмены крепостного права	30
7.3. Промышленность во второй половине XIX в. Социально-экономические итоги века	34
7.3.1. Промышленность в первые пореформенные годы	35
7.3.2. Финансовая система	39
7.3.3. Социальное развитие России в пореформенный период	41
7.3.4. Экономические итоги века	42
7.4. Российское государство в XIX в.: основные тенденции развития	44
7.4.1. Планы и дела Александра I	45
7.4.2. Государство в период правления Николая I	52
7.4.3. Реформы 1860—1870-х годов	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

История России. Том 2. XIX—XX века

Учебное издание

В. Н. Болоцких
В. Г. Деев
В. А. Кузнецов

© В. Н. Болоцких, 2018

© В. Г. Деев, 2018

© В. А. Кузнецов, 2018

ISBN 978-5-4483-4099-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 7. РОССИЯ В XIX ВЕКЕ: ВРЕМЯ РЕФОРМ

В советской исторической науке преобладала точка зрения, что капитализм как социально-экономическая формация в России победил во второй половине XIX в. и отмена крепостного права в 1861 г. определялась как решающий рубеж. Но капитализм понимался как общество не столько частной собственности, рыночной конкуренции, свободы рыночных отношений, нового этапа в развитии личности, международных отношений, сколько общество жестокой эксплуатации капиталистами рабочих, как общество ожесточённой классовой борьбы между трудом и капиталом. В данной главе речь пойдёт не о капитализме в советском понимании. Основная цель в данном случае – понять, как шло развитие экономики в XIX в., какие изменения в ней происходили и почему, как менялось положение рабочих и крестьян, дворян-помещиков и фабрикантов, какие и с какой целью проводило реформы государство, какие последствия они имели, как менялось само российское государство. Как, в конечном счёте, возникала необходимость перехода от аграрного общества к индустриальному.

7.1. Промышленность и сельское хозяйство в дореформенный период

7.1.1. Сельское хозяйство: старое и новое

Процессы оживления предпринимательской деятельности, роста числа городов и промысловых сёл, увеличения экспорта хлеба и спроса на него внутри страны, начавшиеся в последней трети XVIII в., продолжились и даже усилились в первой половине XIX в. В начале XIX в. вывоз хлеба из России вырос в несколько раз и достиг 69—95 млн пудов в год по разным оценкам.¹ По официальным подсчётам, ежегодный сбыт хлеба внутри государства в 9 раз превосходил вывоз в зарубежные страны. Сельскохозяйственное производство всё крепче связывалось с внутренним и внешним рынком, приобретая всё более товарный характер, усиливалась межрегиональная специализация.

В связи с непрерывным ростом населения, торговли и промышленности значительно расширились посевные площади во всех губерниях Европейской России. В южноукраинских губерниях и в Области Войска Донского пахотные угодья с конца XVIII в. выросли к середине XIX в. более чем втрое. В 1801 г. была отменена дворянская монополия на землю и другие сословия получили право покупать ненаселённые земли.

В старых обжитых районах, даже в черноземных местностях, почва истощалась и поэтому по инициативе наиболее хозяйственных помещиков в 1830—1850-е гг. возникло 20 новых земледельческих обществ, задачей которых был поиск мер для подъёма сельского хозяйства. Эти общества действовали в Прибалтике, Украине, Центральном чернозёмном районе, Поволжье, Закавказье и отчасти в нечерноземной полосе. Общества изучали местные природные условия, вводили более эффективные способы ведения хозяйства, создавали с этой целью опытные фермы и хутора, проверяли действие усовершенствованных машин и орудий. Некоторые издавали специальные журналы, было устроено несколько десятков сельскохозяйственных выставок, на которых выставлялись образцы растений, усовершенствованные орудия, наиболее удачные породы лошадей, овец и крупного рогатого скота.

Особое внимание было обращено на замену устаревших орудий более совершенными и дающими лучшие результаты. Раньше всего появились молотилки и веялки. Затем начали вводить сортировки для отбора зерна, сеялки, равномерно разбрасывавшие семена. Гораздо медленнее внедрялись жатки, несмотря на острую необходимость ускорения уборки урожая: импортные были дорогими и мало приспособленными к российским условиям земледелия, а в России не удавалось создать дешёвую, быстро работающую жатку. В самом конце 1850-х гг. были проведены первые опыты применения паровых машин в сельском хозяйстве: в тамбовском имении Л. Гагарина действовала комбинированная машина, которая с помощью локомотива молотила, веяла и сортировала пшеницу. Вначале сельскохозяйственные машины ввозились из-за границы, позднее стали производиться в самой России.

С целью повышения доходности имений некоторые помещики стали вводить новые сельскохозяйственные культуры. На Правобережной Украине появились обширные плантации сахарной свёклы, на Левобережной Украине – табака, в южных губерниях и в Нижнем Поволжье расширились посевы подсолнечника, почти повсеместно увеличивалась посадка картофеля. В Нечерноземье начали занимать паровое поле посевами трав – клевера, люцерны, тимopheевки. Больше внимания теперь обращалось на удобрение полей навозом, на отбор семян для посева и более глубокую вспашку. Эти явления отражали желания помещиков и крестьян поддержать и даже повысить доходность своих хозяйств. Это говорит о достаточно высокой степени включения этих хозяйств в торговые связи, о развитии уже тогда сельскохозяйственного рынка в России.

¹ Дружинин Н. М. Избранные труды: Социально-экономическая история России. М., 1987. С. 270; Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 7.

Передовую роль в улучшении сельского хозяйства играла Прибалтика. В прибалтийских имениях повышение уровня агротехники носило более широкий и всесторонний характер; местами здесь сеяли бобовые растения, вводили искусственные удобрения, вели упорную борьбу с сорняками.

Отдельные примеры передового сельского хозяйства имелись в других местах европейской части России. Примером предпринимательского помещичьего хозяйства может служить крупное имение А. Реброва в Пятигорском округе Предкавказья. На 599 десятинах плодородной пашни Ребров собирал большой урожай пшеницы, которую сбывал на местных рынках, на Дону и Черноморском побережье. Большие доходы приносили помещику разведение овощей для ближайших городов, сенокосы и особенно виноградники. В имении были тутовый сад, образцовое шелкомотальное производство, 6 водяных мельниц, конный завод на 900 голов, большое стадо крупного рогатого скота и овец, в том числе тонкорунных. В 1842 г. Ребров получил от своего хозяйства около 12 тысяч рублей серебром, крупный доход для того времени. Самые трудоёмкие процессы при обработке садов, виноградников и огородов выполнялись не крепостными (у Реброва их было 556 душ обоёго пола), а наёмными работниками.

Развитие производительных сил наблюдалось в хозяйствах зажиточных крестьян – государственных, удельных и помещичьих. Большинство участников сельскохозяйственных выставок составляли государственные крестьяне.

Многие крестьяне сами изобретали улучшенные орудия и машины: на выставке 1842 г. в селе Великом была выставлена трепальная машина для льна, сделанная крестьянином Х. Алексеевым, на Вятской выставке 1854 г. демонстрировалась сенокосная машина крестьянина А. Хитрина. Некоторые крестьяне создавали опытно-показательные хозяйства. В 1857 г. в Вятской губернии насчитывалось несколько сот таких доходных предпринимательских усадеб. В 1850-е гг. особенно выделялся своими опытами крестьянин Нолинского уезда Вятской губернии Е. Метелев: он следил за текущей агрономической литературой, поддерживал связи с Московским обществом сельского хозяйства и двумя учебными фермами, закупал семена улучшенных сортов и проводил опыты их посевов. У Метелева было большое стадо скота, которое давало обильное удобрение для повышения плодородия глинистой почвы. На его усадебном огороде вызревали отличные овощи, а фруктовый сад давал хороший урожай.

Технические нововведения наблюдались также в хозяйствах удельных крестьян, занимавшими среднее положение между помещичьими и государственными крестьянами и платившими оброк царской семье. В 1840–1850-е гг. в Симбирском удельном имении широко использовались конный английский плуг, веялки и молотилки.

Во всех категориях деревни шло в 1830–1850-е гг. расслоение крестьян: обогащение одних хозяев и разорение других, которым приходилось уходить на заработки.

Зажиточные крестьяне не ограничивались отведёнными наделами, приобретали или брали в аренду землю. На основании указа 1801 г. наряду с купцами и мещанами, государственные крестьяне покупали ненаселённые земли, в 1858 г. в государственных деревнях 33 губерний насчитывалось около 270 тысяч таких собственников, которым принадлежало больше 1 млн десятин земли, в основном пашни.

Удельные крестьяне приобретали землю с разрешения своего начальника. В Самарской губернии было немало таких земельных собственников, имевших по 100–200 десятин.

Ещё большее распространение получила аренда земли у казённого или удельного ведомства, особенно в районах степного Заволжья. Арендаторами были сельские общества и отдельные крестьяне. В Сызранском удельном имении в 1840-е гг. числилось 12 крупных арендаторов, которые снимали 20 тысяч десятин земли на 9 тысяч рублей, из них крестьянин А. Рачейский арендовал больше 6 тысяч десятин, за которые заплатил 3,5 тысячи рублей. Правда, многие крестьяне арендаторы большую часть земли сдавали в субаренду, а не вели собственное предпринимательское хозяйство с использованием наёмных рабочих.

Наряду с лесопромышленниками, подрядчиками и торговцами из среды крепостных крестьян выдвигались сельскохозяйственные предприниматели, сбывавшие на рынок крупные партии зерна, хмеля, льна, овощей, выращенных на собственных или арендованных землях. Чтобы вести такое хозяйство богатые крестьяне широко использовали батраков.

Помещики также нуждались в дополнительных рабочих руках, особенно применявшие более совершенные приёмы агротехники и скотоводства, машины, преимущественно на юге и юго-востоке. По приблизительным подсчётам, в 1850-е гг. ежегодно уходило батрачить: 300 000 человек на Южную Украину, 150 000 – в Заволжье, 120 000 – в Прибалтику, 130 000 – 150 000 – в остальные регионы.

Но все эти положительные изменения в сельском хозяйстве России первой половины XIX в. были очень ограниченными. Даже у государственных крестьян, юридически свободных и более независимых, основная масса состояла из середняков, которые вели самостоятельное трудовое хозяйство; крестьян, которые были вынуждены сократить своё хозяйство или вовсе его забросить, было немного. По данным псковской подворной переписи, государственных крестьян, обрабатывавших исключительно собственную землю, было 56%, а оставивших земледелие – только 6%.² Десятки и даже сотни тысяч крестьян, создававших крепкие хозяйства предпринимательского типа, представляли ничтожно малую величину по сравнению с общей массой. Так в 1858—1859 гг. ревизских душ (т.е. крестьян мужского пола) в русских губерниях насчитывалось: помещичьих 6 577 159 человек (45,97%), государственных – 6 772 375 (47,34%), удельных – 957 140 (6,69%), а всего – 14 306 673 человека.³

Число передовых помещиков, переходивших на новую агротехнику, составляло приблизительно 3—4% общего их числа, процент крестьянских хозяйств такого типа был ещё меньше. Развитие производительных сил в сельском хозяйстве происходило не столько в форме радикального обновления агротехники и полеводства, сколько по прежнему путём расширения посевных площадей и освоения новых слабозаселённых районов, т.е. преобладали экстенсивные формы развития.

Подавляющее большинство помещиков стремились повысить доходность своих имений старыми способами: расширением барской запашки за счёт крестьянских наделов, увеличением барщинных дней и оброка. Так в Харьковской и Полтавской губерниях помещики имели больше 68% удобной земли, а в Екатеринославской – больше 80%. В Рязанской и Тамбовской губерниях по сравнению с 1780 г. барская пашня выросла в 1,5—2 раза. Хуже всего приходилось крестьянам мелкопоместных имений. Всё чаще помещики отбирали у крестьян всю землю и переводили их на месячину. В конце 1850-х гг. в Полтавской и Харьковской губерниях безземельные крестьяне составляли почти четверть всех крепостных. В мелкопоместных имениях таких крестьян было около половины, а в Курской губернии все крепостные мелких помещиков жили в барских усадьбах в виде дворовых или батраков.

Острое крестьянское малоземелье, усиливаемое ростом населения, наблюдалось во всех губерниях старого заселения: в нечерноземном районе вместо нормальных 8 десятин на ревизскую душу приходилось от 1,5 до 3, в черноземных губерниях вместо 5 десятин крестьяне имели от 2 до 4.

Росло число крестьян, отбывавших барщину: к началу 1860-х гг. в черноземном центре таких крестьян было более 70%, в Поволжье – более 73%, а на Украине от 97 до 99%. Крестьянам назначались непосильные нормы, закон 1797 г. о 3 днях барщины в неделю большей частью не выполнялся.

² Дружинин Н. М. Избранные труды: Социально-экономическая история России. С. 270—274.

³ Там же. С. 9.

Увеличивался оброк, если в конце XVIII в. средняя его сумма составляла 7 рублей 50 копеек с души, то к концу 1850-х гг. она поднялась в нечерноземных губерниях до 17—27 руб.

Уменьшение наделов и увеличение повинностей вели к упадку крестьянского хозяйства: по официальным данным, в 6 губерниях Центрально-черноземного района на каждую ревизскую душу было собрано в среднем в 1840-х гг. по 3,15 четверти, а в 1850-х гг. – 2,66 четверти зерновых.

Упадок крестьянского хозяйства в условиях крепостного строя неизбежно приводил к упадку помещичьих хозяйств: крепостные крестьяне обрабатывали барские поля с помощью собственных орудий и рабочего скота. В 1859 г. числилось заложенными более 7 млн. крестьян (66% всех крепостных) на сумму 425 млн. рублей серебром. В некоторых губерниях, например, в Нижегородской и Калужской, состояло под залогом от 78 до 93% всех имений.

Помещики заводили свеклосахарные и винокуренные заводы, суконные и полотняные мануфактуры, но они становились всё менее доходными, не будучи способными конкурировать с вольнонаёмными. Некоторые помещики выдавали крестьянам денежные премии или «нанимали» своих крепостных. Но это давало незначительный результат.

Положение удельных и государственных крестьян было лучше, но также ухудшалось. Они страдали от роста податей, многочисленных дополнительных повинностей, малоземелья, а переселение на малозаселённые земли сопровождалось злоупотреблениями чиновников, волокитой и страданиями для переселенцев.⁴

В XVIII в. размер подушной подати в течение 70 лет после смерти Петра I не менялся, но в 1795 г. он пришёл в движение. Только Александр I за 1810 по 1818 г. четыре раза увеличивал подушный оклад, доведя его с 1 рубля 26 копеек до 3 рублей 30 копеек, т.е. повысил на 2 рубля 4 копейки. Выросли особые оклады.⁵

Кроме подушной подати, государственные крестьяне платили ещё оброчную (для выравнивания их положения с помещичьими крестьянами). В начале XIX в. эта повинность быстро росла. Только в 1810 г. Александр I добавил по 2—3 рубля к окладу в зависимости от класса губерний. Оброчная подать росла быстрее подушной, так как через неё правительству было легче улавливать рост платёжеспособности крестьян. Росли также земские денежные и натуральные повинности. По подсчётам Н. Дружинина с 1719—1724 гг. до конца первой трети XIX в. общее денежное обложение государственных крестьян увеличилось в 9—11 раз. Если в 1720-е гг. оброк государственных крестьян составлял половину подушной подати, а через сто лет был больше в 2,5—3 раза.⁶

Рост государственных податей в первой половине XIX в. сопровождался непрерывным ростом недоимок. Так в 1832—1833 гг. общая сумма недоимок казённых и помещичьих крестьян составила больше 92 млн рублей ассигнациями, из них до 68 млн. рублей (74%) приходилось на государственных. В 1840-х гг. недоимки выросли с 29 млн руб. серебром до 51,9 млн или на 44%, большинство их приходилось на государственную деревню.⁷ Правительство боролось с недоимками в основном старыми административными методами: совершенствованием системы сбора податей, усилением ответственности чиновников, выколачиванием податей и недоимок из крестьян вплоть до посылки военных команд для экзекуций.

Уже в первой половине XIX в. появились противники подушной подати вообще и сторонники перехода к поземельному обложению с учётом доходов носителей тягла, в том числе неземледельческих. В первые годы правления Николая I была разработана программа пере-

⁴ Дружинин Н. М. Избранные труды: Социально-экономическая история России. С. 274—280.

⁵ Неупокоев В. И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII – начале XIX века. М., 1987. С. 30.

⁶ Неупокоев В. И. Государственные повинности крестьян Европейской России... С. 93—94.

⁷ Там же. С. 83, 86.

ложения оброчной подати на землю, которая предусматривала проведение кадастра (оценочного описания земли) на основе подворно-участкового землепользования в государственной деревне. Эти меры привели бы к ликвидации переделочно-общинной системы и круговой поруки, создали бы условия для развития рыночных отношений в государственной деревне заменой произвольной подушной системы на поземельное и промысловое обложение. Но при реализации этой программы победила крепостнически-фискальная тенденция, отдававшая преимущество по-прежнему административным методам и круговой поруке. Кадастр не решил основной задачи – уравнивания раскладки денежных сборов на основе учёта хозяйственных и промысловых доходов. Новые оклады опирались на нереальные данные, которые для увеличения податного процента произвольно завышались. После проведения кадастра в Псковской губернии, Центральная комиссия Министерства государственных имуществ признала, что если бы чистый доход здесь был выведен объективно, то пришлось бы избавить крестьян «вовсе от податей». А чтобы этого избежать, губернская комиссия резко завысила урожаи, особенно на скудных почвах.⁸

В России чрезмерные государственные подати и натуральные повинности в течение веков подрывали возможности крестьянского хозяйства не только к расширенному, но и к простому воспроизводству, что вместе с природно-климатическими особенностями предопределяло замедленность социально-экономического развития. Всё это справедливо и для XIX в., более того, даже некоторые крупные чиновники стали это понимать. Так, министр финансов Канкрин в 1826 г. признавал обложение крестьян чрезмерным, растущим осознанием объективных причин недоимок объясняется попытка переложения оброчной подати государственных крестьян с душ на землю и проведения кадастра (у удельных крестьян такое нововведение было проведено более или менее успешно).

Основным недостатком российской податной системы, наряду с чрезмерным обложением, был способ раскладки налогов, которые делились по душам почти независимо от платёжеспособности этих душ. Это приводило к разорению маломощных хозяйств и тогда приходилось прибегать к круговой поруке и за слабых заставлять платить более сильных. Это приводило к усреднению, уравнительности, отсутствию заинтересованности в развитии хозяйства и у слабых, и у сильных.

Взимание податей сопровождалось колоссальным произволом и казнокрадством. В. Неупокоев считает, что до 20% всех сборов взималось вторично и расхищалось.⁹ Крестьяне не напрямую вносили подати в казначейство, а через посредников в виде сельской администрации и чиновников государства, документация была запутанной, часто не велась, проверок почти не было, мирские приговоры по раскладке податей и их взиманию фальсифицировались и фабриковались и пр. Это создавало питательную среду для коррупции и откровенного воровства. Но сельская администрация на уровне сельского общества и волости состояла из выборных крестьян, естественно зажиточных, они также имели возможность наживаться за счёт своих односельчан, а также перелagать тяжесть податей на других, давать им в долг под проценты и ещё больше богатеть.

Тяжело отразилась на положении крестьян Крымская война. Рекрутские наборы и призывы в ополчение в 1853—1855 гг. изъяли из сельскохозяйственного производства около 1,5 млн работников. Кроме того, только государственная деревня выделила в эти же годы 15 млн подвод для перевозок грузов и 18 млн конных и пеших работников для починки и строительства дорог и дорожных сооружений.

В помещичьей деревне 34 губерний Европейской России шло сокращение посевов, которое в 1856 г. по сравнению с 1852 г. достигло 35%. Чистые сборы хлебов на душу населения

⁸ Там же. С. 126, 133.

⁹ Там же. С. 66.

в предвоенное десятилетие (1840—1850-й гг.) составили в среднем 22—24 пуда, а в 1851—1860-м гг. – только 19—21 пуд. Заметен упадок животноводства: в 1840—1850-м гг. на сто душ населения приходилось 79 голов крупного рогатого скота, в 1851—1860-м гг. – 67, поголовье лошадей сократилось на 24%.

Одной из причин отсталости сельского хозяйства было также общинное пользование землёй, широко распространённое в губерниях Европейской России. Помещики и казна искусственно поддерживали отжившую поземельную общину: время от времени «мир» переделывал землю между крестьянами, чтобы сохранить за каждым домохозяином способность отбывать повинности. В условиях растущего малоземелья и обеднения деревни такая система была выгодна землевладельцам, государству и бедноте, но невыгодна середнякам и зажиточным крестьянам. При общинном землепользовании господствовал принудительный севооборот. С общиной были связаны круговая порука, затруднение мобилизации земли в руках наиболее дельных хозяев, сохранение психологии уравнительности и иждивенчества.

Валовые сборы зерновых в России к середине XIX в. ещё росли, в основном за счёт роста посевных площадей в малонаселённых и только осваиваемых районах, но общая отсталость сельского хозяйства, низкая урожайность и производительность труда в крепостных имениях и малоземельных крестьянских хозяйствах требовали большого количества рабочих рук, препятствовали сокращению числа занятых в сельском хозяйстве и переливу рабочей силы в промышленность и торговлю. Это неизбежно замедляло общее экономическое развитие России, угрожало её доходам от экспорта хлеба: на европейском рынке хлеба появился опасный конкурент – американский фермер. Если в 1830-е гг. объём вывоза русского хлеба в Европу был на 186% больше североамериканского, то в 1840-е гг. – только на 48%.¹⁰

¹⁰ Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. С. 7.

7.1.2. Промышленность и торговля в первой половине XIX в.

Интересные и важные изменения происходили в первой половине века в промышленности и торговле. С 1790 по 1825 год общий оборот внешней торговли вырос более чем в 3 раза, значительно увеличился оборот ярмарок. С 1804 по 1825 гг. число рабочих в обрабатывающей промышленности, выросло с 95 до 210 тысяч. Всё больше менялись состав владельцев мануфактур и социальная структура промышленных предприятий: всё больше появлялось крестьянских заведений, органически выраставших из сельских промыслов, постоянно росло количество вольнонаёмных работников. В 1825 г. передовая хлопчатобумажная промышленность имела 95% вольнонаёмных рабочих, шёлковая – 83%; в 4 основных промышленных губерниях вольнонаёмные рабочие составляли от 73 до 87%.

Хотя 16 марта 1797 г. появился указ «О дозволении покупать к заводам и фабрикам крестьян и об отобрании оных в казну в случае уничтожения оных заведений», предприятия с принудительным трудом явно проигрывали конкуренцию с вольнонаёмными заведениями. С 1797 по 1816 гг. было лишь 6 случаев покупки крестьян к промышленным предприятиям лицами недворянского звания и 6 ноября 1816 г. появился указ «О недозволении покупать крестьян к фабрикам и заводам, Министерству внутренних дел подведомственных, ни с землёю, ни без земли». Этот временный запрет стал окончательным. Посессионные и крепостные мануфактуры в значительной степени существовали за счёт льгот и заказов государства. Даже суконные заведения этого типа проигрывали вольнонаёмным по качеству продукции, цене и скорости выполнения заказов и привилегии им, сохранявшиеся под давлением дворян, приносили большой урон казне.

В 1799 г. из 81 747 рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности, подведомственной Мануфактур-коллегии 41% составляли приписные и покупные крестьяне. К середине 1830-х гг. абсолютная их численность выросла в 1,32 раза, но удельный вес сократился до 14% численности рабочих обрабатывающей промышленности. Посессионные заводы тем не менее оставались крупными предприятиями – они составляли 2% от общего числа заводов и фабрик при 14% рабочих. Больше всего посессионных предприятий было в производстве сукна (примерно 41% всех посессионных) и вообще тканей (82%). Это объясняется большими потребностями государства в сукне для армии и парусине для флота, поэтому эти предприятия имели большие привилегии.¹¹

В 1830-е гг. начался промышленный переворот в России. К началу 1860-х гг. были полностью механизированы бумагопрядение и в большой степени ситцепечатание, всё больше машины распространялись в бумаготкачестве, производстве полотняных, шерстяных и шёлковых тканей. В 1824—1826-х гг. в Россию ввозилось в год в среднем 74 тысячи пудов хлопка и 337 тысяч пудов хлопчатобумажной пряжи, которая шла на изготовление материи. А в 1848—1850-х гг. ввозилось уже более миллиона с четвертью пудов хлопка, а пряжи зато лишь 281 тысяча пудов. Это говорит о резком росте прядильного производства вслед за ткацким. В 1843 г. было 40 прядильных фабрик с 350 тысячами веретен, а в 1853 г. – уже около 1 млн веретён. Уже в середине века начинает сказываться узость внутреннего рынка для российской, механизированной в значительной степени, текстильной промышленности, что было одной из причин усиления проникновения России в Среднюю Азию и на Кавказ и присоединения новых территорий там во второй половине века.¹² Быстро росло также применение машин на писчебумажных и свеклосахарных предприятиях. Металлургические заводы стали заменять

¹¹ Рыбаков Ю. Я. Промышленное законодательство России первой половины XIX века. М., 1986. С. 113—114.

¹² Замысловская Ек. За последние сто лет. Пг., 1923. С. 27.

отсталое кричное производство пудлингованием и заводить усовершенствованные прокатные станы. Шире стали применяться паровые машины, на уральских горных заводах появились первые водяные турбины. К началу 1860-х гг. в России было 1626 км железнодорожных путей. Шоссейных дорог к 1840-м гг. было всего 780 км. Перевозка по рекам с помощью бурлаков осуществлялась ещё медленнее. Но против широкого строительства железных дорог выступали крупные извозопромышленники, боявшиеся потерять большие доходы, царские сановники во главе с умным и дельным министром финансов Е. Канкриным. Говорили, что движение паровозов по обледенелым, занесённым снегом рельсам будет невозможным, что постройка железных дорог грозит неисчислимыми убытками, «порчею нравов» и потрясением существующего порядка¹³ (в последнем, пожалуй, были правы, да порядок уже и требовал изменений).

Паровое судоходство к середине века широко распространялось по основным рекам Волжского бассейна. Характерно, что пароходы были частными, государство не оценило во время достоинства и выгоды нового типа судов и военный флот России оставался в основном парусным.

Появились первые машиностроительные заводы, в основном в Петербурге. В 1849 г. для постройки пароходов появился крупный частный завод в Сормово около Нижнего Новгорода.

К 1860 г. в обрабатывающей промышленности вольнонаёмные составляли уже 80% общей численности рабочих, горнозаводская промышленность была технически более отсталой, но и здесь к 1860 г. вольнонаёмные составляли 20% рабочих. Крепостные свеклосахарные заводы тоже были вынуждены нанимать дополнительных рабочих.

Но вольнонаёмные рабочие в это время – это в основном те же крепостные крестьяне – отходники. Это приводило к удорожанию рабочей силы (нанимателю такого рабочего приходилось оплачивать не только поддержание его жизненных сил, но и оброк помещику, который к тому же в любой момент мог отозвать своего крепостного в имение). С другой стороны, это заставляло заводчиков и фабрикантов механизировать свои предприятия с целью экономии на заработной плате или увеличения доходов за счёт роста производительности труда.

По мере механизации труда среди рабочих росла доля женщин и детей. В середине 1850-х гг. на Гусевской бумагопрядильной фабрике из 893 рабочих большинство составляли женщины. В 1849 г. на свеклосахарных заводах около трети рабочих были женщины. В 1840-х гг. на московских бумагопрядильных и шерстопрядильных фабриках работало около 3 тысяч мальчиков и девочек.

О темпах и характере экономического развития России в первой половине XIX в. говорят следующие данные. Выплавка чугуна в расчёте на душу населения росла так: в 1830 г. – 3,270 кг., в 1840 г. – 2,887, в 1850 г. – 3,323, в 1860 г. – 4,023 и всего за 30 лет – на 0,753. Производство сахара так же на душу населения: 1830 г. – 0,009 кг., в 1840 г. – 0,034, в 1850 г. – 0,254, в 1860 г. – 0,751 и всего на 0,742 кг или более чем в 83 раза. Ввоз хлопка: в 1830 г. составлял 0,33 кг на душу населения, в 1840 г. – 0,104, в 1850 г. – 0,287, в 1860 г. – 0,687 и всего на 0,357 или приблизительно в 2 раза. Во второй половине 1840-начале 1850-х гг. выплавка чугуна на душу населения в русских фунтах составляла: в Англии – 21,1, во Франции – 37,5, в Пруссии – 18,3, в Австрии – 13,5, а в России (без Финляндии и Польши) – 8,7. Таким образом, Россия производила чугуна меньше Франции в 4,3 раза, Англии – в 2,7 раза, Пруссии – в 2,1, Австрии – 1,5 раза.¹⁴

Явно бросается в глаза отставание в темпах роста металлургического производства, которое было сосредоточено на горных заводах Урала, где изменения в составе рабочих, средствах труда и технологии были минимальны. И одновременно бурно росли отрасли, где широко при-

¹³ Дружинин Н. М. Избранные труды: Социально-экономическая история России. С. 267.

¹⁴ Там же. С. 352–353.

менялся вольный труд, машины, среди владельцев которых много лиц недворянского звания и которые работали на широкий рынок, а не на казну.

Для того, чтобы верно оценить успехи российской промышленности и определить – догоняла она или нет западноевропейские страны необходимо сравнить эти успехи с тем, что происходило в европейских странах.

За 1812—1856 гг. объём промышленного производства в России удвоился, но во Франции за это время число паровых двигателей выросло в 5 раз, обороты банков – в 8 раз, в Англии объём выпуска промышленной продукции – более чем в 30 раз. Удельный вес России в мировом промышленном производстве в 1860 г. равнялся 1,72% и уступал Франции в 7,2 раза, Германии в 9 раз, Англии – в 18 раз.

Тяжёлым было финансовое положение Российской империи в этот период. Постоянные войны поглощали почти все обыкновенные доходы государства и приводили к печатанию ничем не обеспеченных бумажных денег. Обыкновенные доходы государственного бюджета составляли в 1808 г. 127 млн руб., а расходы на армию и флот – 140 млн руб. В 1809 г. соответственно 136 и около 136 млн руб., то есть вооружённые силы поглотили все доходы. В результате в 1808 г. напечатали 92 млн руб., в 1809 г. – 127 млн. рублей. Соответственно в 1808 г. за бумажный рубль давали 48 коп. серебром, а в 1809 г. – 40 коп., в 1810 г. – 29 коп. Война 1812 г. и заграничные походы 1813—1814 гг. привели к дальнейшему печатанию бумажных денег и падению курса ассигнационного рубля до 20 коп. сер.

Финансовые трудности и дефицит государственного бюджета сохранялись всё царствование Николая I. Особенно ухудшилось положение с финансами во время Крымской войны, на которую уходили все обыкновенные доходы. И вновь началась усиленная эмиссия денег. При доходах по росписи на 1857 г. в 258 млн руб., в расходах 100 млн руб. предназначались на платежи по займам и 117 млн руб. – на Морское и Военное министерства, а на все прочие потребности – всего 41 млн рублей.¹⁵

Российское правительство прежде всего заботилось о горнозаводской, оружейной, суконной отраслях, чья продукция шла на нужды армии, но именно они оказались наиболее отсталыми к Крымской войне. Александр I и Николай I много внимания уделяли армии, любили парады и разводы, но общая экономическая отсталость, консерватизм внутренней и внешней политики, боязнь перемен привели к тому, что к настоящей войне Россия оказалась не готова. Армия была вооружена гладкоствольным оружием, значительно уступавшим нарезным ружьям и пушкам Англии и Франции по дальности и точности стрельбы. Англо-французский военный паровой флот легко справился с российским парусным.

Поражение в Крымской войне выявило потребность ускоренной технической модернизации в интересах прежде всего государства. Всё российское общество, конечно же, нуждалось в модернизации, в развитии промышленности, в переходе сельского хозяйства на интенсивные методы хозяйствования. Но это процессы длительные, связанные с перемещением людей из одних сфер занятости в другие, с коренной перестройкой форм собственности, с выработкой новых правил экономического поведения, с изменениями в психологии и поведении массы людей. Искусственное подстёгивание этих процессов ни к чему хорошему не приводит. Например, одним из главных условий развития промышленности в России, вообще её модернизации, было расслоение, разложение старого полунатурального крестьянского хозяйства, обезземеливание большей части крестьян и превращение их в сельских и промышленных рабочих. Этот процесс шёл в России, как мы видели, и до 1861 г. И это было на пользу на самом деле не только и не столько помещикам, а всей России и в конечном счёте в отдалённой перспективе самим крестьянам, которые мучились на своих клочках земли. Но человек не думает о далёких перспективах, о счастье далёких потомков, он хочет жить нормально здесь и сейчас и поэтому

¹⁵ Юровский В. Е. Кризисы финансовой системы Российской империи в XIX веке // Вопросы истории. 2001, №2. С. 36—39.

попытка освобождения крестьян сверху и без земли неизбежно вызвала бы огромные социальные потрясения и поэтому была невозможна в тот момент. Хозяйств, регулярно использующих наёмную рабочую силу, было немного, мгновенно появиться они не могут по объективным экономическим причинам, помещичьи хозяйства не способны быстро перестроиться из-за отсутствия капиталов и в результате в отношениях землевладельцев и безземельных крестьян всё осталось бы по-прежнему – барщина в виде отработок за землю, оброк. Свобода есть, а улучшения жизни – нет и отсюда следует взрыв недовольства.

7.2. Отмена крепостного права и её последствия для деревни

7.2.1. Крестьянский вопрос при Александре I

Уже в первой половине XIX в. одним из важнейших вопросов, который постоянно обсуждался в высших сферах и для решения которого делались весьма робкие попытки был крестьянский, а конкретнее – крепостного права.

На отношение Александра I к крепостному праву и его политику в крестьянском вопросе повлияли его либеральные взгляды. Но упорное нежелание дворян расставаться с крепостными и неспособность императора перейти от слов к делу привели к тому, что проекты освобождения крестьян не были реализованы. Характерно в этом отношении обсуждение крестьянского вопроса в Негласном комитете. Адмирал Мордвинов, либерал английского толка, предложил распространить права владения недвижимым имуществом, включая землю, на купцов, мещан и казённых крестьян. По логике Мордвинова, на землях, которыми будут владеть разночинцы, будут развиваться хозяйства с наёмным трудом, которые будут составлять конкуренцию крепостным хозяйствам помещиков и будут вынуждать последних отказываться от крепостного права. Рациональное зерно в этих рассуждениях есть и такие процессы протекали в России, в частности в степной полосе и в Новороссии. Право владеть ненаселёнными землями недворянам было дано Александром I в 1801 г. и это была одна из самых значительных его акций. Члены Комитета полагали, что со временем они придут к упразднению крепостного права, но путём медленным и постепенным, но даже направление этого пути оставалось неясным.¹⁶

Другим законом, направленным на ликвидацию крепостного права, был указ 20 февраля 1803 г. «О свободных хлебопашцах». Этот указ разрешал помещикам отпускать своих крестьян на волю в одиночку или целыми селениями, но только с землёй. В таком случае помещик и крестьяне заключали между собой договор об условиях освобождения, который утверждался императором. Крестьяне получали наименование «свободных хлебопашцев» и их землями казна уже не могла распоряжаться в отличие от земель казённых крестьян.

Всего в царствование Александра I по указу о «свободных хлебопашцах» было заключено 160 сделок при общем числе освобождённых в 47 153 души мужского пола (при миллионах душ – меньше, чем капля в море). В 17 случаях крестьяне освобождались безвозмездно (всего 7415 душ, из которых 7 тысяч в виде исключения без земли по завещанию). В остальных случаях освобождение производилось за выкуп, средний размер которого равнялся 396 руб. ассигнациями с души.

В 1804–1805 гг. были утверждены положения по устройству крестьян в Лифляндии и Эстляндии, по которым запрещалось продавать и закладывать крестьян без земли, крестьянам предоставлялись личные гражданские права, вводилось крестьянское самоуправление наследственных владельцев земельных участков, регламентировались крестьянские повинности в пользу помещиков.¹⁷

В 1816–1819-м гг., по инициативе самих помещиков, были полностью освобождены без земли крестьяне в Эстляндии, Курляндии и Лифляндии. Именно в Прибалтике были наиболее развиты интенсивные методы ведения хозяйства и рыночные отношения. Это делало выгодным для помещиков такое освобождение крестьян, так как они получали возможность более активно использовать труд наёмных работников, в которых превращались их бывшие крепостные. Конечно, положение крестьян ухудшилось, особенно в первое время, но развитие частной собственности на землю, рыночных отношений создавали условия для более быстрого развития сельского хозяйства и улучшения со временем положения всех крестьян, включая наёмных рабочих. О чём говорит опыт развития Прибалтики и Финляндии.

¹⁶ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М. 1993. С. 61–62.

¹⁷ Там же. С. 69–70.

В великорусских губерниях помещики не только не пожелали освободить крестьян на таких условиях, но были сильно напуганы действиями правительства, так как здесь труд крепостных всё еще представлял наиболее удобный для помещика способ эксплуатации их имений. Только помещики литовских и белорусских губерний проявили некоторую заинтересованность, но далеко не все и эта заинтересованность не вылилась в конкретные действия.

После победы над Наполеоном разрабатывались новые планы по освобождению крестьян. В 1818 и 1819 гг. было составлено два проекта – один под руководством А. Аракчеева, а другой – министра финансов Д. Гурьева. Аракчеев предлагал для освобождения крестьян от крепостной зависимости начать широкую покупку помещичьих имений в казну или по договорным с помещиком ценам, или по определённым правилам. Продавать государству крестьян и дворовых, по мнению Аракчеева, помещиков должно было заставить желание избавиться от долгов (они были велики после 1812 г.) и вести хозяйство на рациональной основе с использованием наёмных рабочих или сдавать землю в аренду крестьянам. На покупку имений предлагалось выделять по 5 млн рублей в год или выпускать с этой целью кредитные билеты с обязательством выплачивать 5% годовых. Если бы даже помещики согласились добровольно продать своих крестьян (принуждение по отношению к ним исключалось категорически), то на его осуществление понадобилось бы около 200 лет.

Другой проект под руководством Гурьева был разработан чиновником М. Балугьянским. Образцом для него явились западноевропейские страны, где крепостное право было по сути изжито в ходе становления рыночного производства и разнообразных форм собственности. Такое разнообразие форм собственности на землю Балугьянский предлагал ввести в России и тогда бы, по мере их развития, крестьяне сделались бы свободными без всякого специального законодательного акта. Этот проект обладал одним решающим, обрекающим сразу на неудачу, но распространённым для российских проектов преобразования России вплоть до настоящего времени, недостатком – непониманием того, что нельзя росчерком пера ввести то, что является везде и всегда результатом длительного и трудного развития. Разнообразие форм собственности на Западе обусловлено высоким уровнем развития производства, причём разные формы собственности и уровень производства развивались одновременно, взаимообуславливая и стимулируя друг друга. Нельзя родить ребенка не зачав его и не выносив его в чреве матери, а просто по указу, даже самого самодержавнейшего монарха (или генсека, или президента).

Александр I, давая указания о разработке очередного проекта освобождения крестьян, неизменно требовал положить в его основу принцип – никакого насилия по отношению к помещикам, никакого ущерба их интересам. Ни он, ни его сановники никак не могли понять, как указывает С. Мироненко, истинных причин, которые заставляли прибалтийское дворянство добиваться освобождения крепостных крестьян и в то же время толкали российских на пассивное, но непоколебимое сопротивление любым освободительным шагам правительства: причин, которые вытекали из разных уровней социально-экономического развития великорусских губерний и Прибалтики. В рекомендациях Александра I полностью отсутствует такой важный аргумент в пользу крестьянской реформы, как пагубное воздействие крепостного права на экономическое развитие страны, предполагавшиеся преобразования характеризовались только как «сообразные духу времени и успехам образованности» и «необходимые для будущего спокойствия самих владельцев крепостных людей»¹⁸. Вспомним, что в первой половине XIX в. только 3–4 процента российских помещиков вели хозяйство предпринимательским способом и тогда станет понятным, что голос императора был голосом вопиющего в пустыне, станет понятной секретность работы над проектами и их практически полная бесплодность. Да и «дух времени» в России господствовал тогда совсем не тот, на который уповал Александр I.

¹⁸ Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 101.

7.2.2. Крестьянская политика Николая I

Много внимания крестьянскому вопросу уделял Николай I. В этом вопросе он оказался более прогрессивным и устойчивым, чем во всех остальных своих начинаниях. При Николае I для обсуждения крестьянского вопроса было образовано последовательно 10 секретных комитетов и было сделано во всяком случае больше, чем в царствование либерального Александра I.¹⁹ Заниматься крестьянскими делами Николая I заставляли не либеральные мечтания, а вполне земные проблемы. Постоянно росла численность крепостных душ – с 1816 по 1835 год с 9 787 000 до 10 872 000, и это после освобождения остзейских крестьян, стала проявляться нехватка земли в наиболее заселённых губерниях, увеличивалось количество дворовых, т.е. безземельных крестьян, что в сочетании с упадком помещичьих имений (большие долги, много заложенных и т.д.) создавало сложную социально-экономическую обстановку в стране. В 1840-х гг. даже среди помещиков Тульской, Рязанской, Орловской и Смоленской губерний появились представления о том, что ликвидация крепостного права при сохранении земли у помещиков будет выгоднее сохранения крепостнического хозяйства. В 1844 г. тульские помещики предлагали начать освобождение своих крестьян и даже готовы были оставить крестьянам по одной десяatine на душу, но с тем, чтобы крестьяне взяли на себя большую часть помещичьих долгов. Предложение обсуждалось, был создан специальный комитет, но практических результатов не было.

В результате деятельности Комитета 6 декабря (это его название) были запрещены продажа земли без крестьян как мера против обезземеливания последних и сдача крепостных в горнозаводские рабочие. Важным для регулирования положения крестьян была публикация Свода законов, так как некоторые частные указы и постановления правительства, ограничивавшие в некоторых случаях власть помещиков над крестьянами, были включены в Свод и превращены в общие, обязательные для всех нормы.

Из секретных комитетов наиболее серьёзным был комитет 1835 г., который предложил разделить решение крестьянского вопроса на три стадии. На первой стадии изучить вопрос и разработать программу. На второй стадии предполагалось произвести регламентацию повинностей крепостных, а на третьей – произвести личное освобождение, но без земли. Но практических результатов не последовало.

Наиболее крупным практическим шагом в правление Николая I в отношении крестьян была реорганизация управления государственными крестьянами. По предложению Д. Киселёва в 1837 г. было создано новое ведомство – Министерство государственных имуществ, которому передано управление всеми казёнными имениями, лесами и горными заводами.

Была выстроена целая чиновничья пирамида для управления государственными крестьянами – кроме самого министерства, в губерниях появились палаты государственных имуществ, а в уездах – окружные управления. Было допущено, впрочем, некоторое самоуправление казённых крестьян в общинах и волостях, но с правом неограниченного вмешательства окружных начальников в их дела. Чиновники нового ведомства по замыслу должны были заботиться о благоустройстве государственных крестьян, распределять выделяемые крестьянам ссуды, в том числе для переселений. И многое в этом отношении делалось. Но в конце концов эта система опеки поставила крестьян едва ли не в худшее положение. Раньше становые приставы – взяточники могли только изредка посещать казённые имения, так как у них было много других обязанностей, а теперь были специальные чиновники, которые занимались только крестьянами. В результате возросли поборы с крестьян на содержание разбухшего управленческого аппарата, выросли злоупотребления, суммы, выделяемые на улучшение положения государ-

¹⁹ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. С. 156.

ственных крестьян, разворовывались. Доходило до волнений государственных крестьян и требований вернуться к старой системе управления.

Результатом деятельности секретного комитета 1839 г. было новое «Положение об обязанных крестьянах». По этому положению помещики получили право заключать с крестьянами добровольные соглашения о прекращении личной крепостной зависимости и о переводе их в разряд обязанных поселян. Земля оставалась у помещика, но передавалась в пользование крестьян и её нельзя было у них отнять, а крестьяне должны были нести повинности, размер которых оставался неизменным. Вводилось некоторое сельское самоуправление, которое и так существовало в оброчных деревнях. Так как всё отдавалось на волю помещикам, то и проку никакого не было, а когда князь Д. Голицын сказал Николаю I, что эта мера будет иметь смысл лишь в том случае, если перевод из крепостных в обязанные будет обязательным для помещиков, то тот ответил, что хотя он самодержавный и самовластный, но такого насилия над помещиками допустить не решится.

Более решительно действовал Николай I в Западном крае, где помещики были в основном поляками. В 1847 г. он ввёл там «инвентарные правила», т.е. регламентировал крестьянские повинности. Издание же в 1847 г. указа, который давал крестьянам право выкупаться целыми селениями при продаже имений с торгов, вызвало большие протесты среди дворянства, тем более что имений продавалось много, и в 1848 г. указ был фактически отменён. А после революций 1848 г. все обсуждения крестьянского вопроса и практические действия были прекращены полностью.

7.2.3. Подготовка отмены крепостного права

Николай I умер в ночь с 17 на 18 февраля 1855 г. Смерть императора породила ожидания перемен. Появилось множество записок и статей с анализом положения в стране, с критикой крепостного права и доказательствами необходимости его отмены по экономическим, политическим и нравственным причинам. Историк М. Погодин подал записку на его имя по этому поводу ещё при жизни Николая I. Записки в адрес правительства подавали известные люди из чиновников и общественных деятелей (П. Валуев, Б. Чичерин, К. Кавелин, Ю. Самарин), всего в 1855—1857 гг. было подано 63 записки.

Кто был заинтересован прежде всего в освобождении крепостных крестьян? Кому это было выгодно? Дворянству? Невыгодность, неэффективность крепостного труда в это время проявлялась ещё разве что в масштабах всего общества, при сравнении с западноевропейскими странами, а также в случае втягивания в рыночные отношения, использования передовой агротехники и машин. Но абсолютное большинство помещиков вело хозяйство по старинке, полученный доход дворяне-землевладельцы просто проедали, не вкладывая его в развитие своего хозяйства, дошли до повального закладывания имений, т.е. проедали уже и их. По ревизии 1858—1859 гг. почти 42% помещиков были мелкопоместными, с числом крепостных до 20 душ (в среднем – 8). В среднем они получали оброка со своих крестьян 50—80 рублей. 35% помещиков по той же ревизии относились к категории среднепоместных до 100 душ крепостных. Образ жизни и уровень потребления подавляющего большинства этих помещиков мало чем отличались от крестьянских.²⁰ Естественно, они не имели ни капиталов, ни знаний и умений для ведения самостоятельного предпринимательского хозяйства. Они были против освобождения крестьян и реформа не принесла им пользы – они просто растратили полученные выкупные деньги. Помещики предпринимательского толка были за освобождение крепостных, но их было ничтожно мало (что и показала подготовка и проведение освобождения) и они были сосредоточены в основном на юге, в степной полосе, на юго-западе, в Прибалтике, где крепостных было мало или они давно были свободными и где широко использовался наёмный труд крестьян-отходников.

Крестьяне? Большинство из них были государственными и удельными, т.е. лично свободными. Инициаторами крестьянских выступлений с ярко выраженной целью освобождения от крепостного ига были, как правило, крестьяне зажиточные, предприимчивые, а не деревенская беднота. Крестьяне, крепостные в том числе, гораздо чаще выступали против тяжести и роста государственных и помещичьих повинностей, а также из-за начинавшегося в старозаселённых губерниях малоземелья. Гораздо больше личной свободы крестьян интересовала земля. Классическим выражением таких настроений крестьян является ответ крепостных декабристу И. Якушкину, пожелавшему освободить их без земли, но с полным учётом интересов крестьян (как он думал): пусть всё останется как было – мы ваши, а земля – наша. И никакого чрезвычайного роста крестьянских выступлений в 1850-е гг. не было.

Владельцы вольнонаёмных мануфактур, конечно, были заинтересованы в ликвидации крепостного права, но их было мало и их голоса не было слышно на всём протяжении подготовки и проведения Великой реформы. А многие из них сами были крепостными.

Кто же остаётся? Государство. Громадные недоимки по государственным податям, которые никак не удавалось ликвидировать старыми методами, огромный дефицит государственного бюджета, вызванный расходами на содержание армии, бюрократического аппарата и на войны, особенно на Крымскую, толкали на поиски новых методов решения финансовых и экономических проблем. А тут ещё выявившееся в ходе Крымской войны отставание в индустрии

²⁰ Беловинский Л. Господа из мелкопоместных// Былое. 1997, №6 (июнь). С. 5.

стриальном развитии, особенно в вооружении армии и транспорта, поставили под сомнение претензии Российской империи на роль великой европейской державы. Производство нарезного оружия, строительство современных паровых военных кораблей, переход от рекрутского принципа комплектования армии к всеобщей обязательной службе требовали создания новой металлургической, машиностроительной и военной промышленности, массового строительства железных дорог. Для этого требовалось добиться повышения производительности труда во всех сферах экономики, начиная с сельского хозяйства для высвобождения рабочих рук для промышленности, нужны были более квалифицированные рабочие в промышленности. Приписные крестьяне не годились для машинной индустрии.

Идеолог николаевской системы М. Погодин обращался к Александру II в 1856 г. с призывом: «Медлить нечего... Надо приниматься вдруг за всё: за дороги, казённые и каменные, за оружейные, пушечные и пороховые заводы, за медицинские факультеты и госпитали, за кадетские корпуса и торговлю, за крестьян, чиновников, дворян, духовенство, за воспитание высшего сословия, да и прочие не лучше, за взятки, роскошь, пенсии, аренды, деньги, за финансы, за всё, за всё...».²¹

А за 10 лет до этого в протоколе Секретного комитета 1846 г. по крестьянскому делу, председателем которого был наследник престола, будущий император Александр II, пророчески было записано: «Доколе Россия, по непредвиденным судьбам, не утратит своего единства и могущества, доколе другие державы не могут служить ей примером. Колосс сей требует иного основания и иных понятий о свободе не только крестьян, но и всех состояний. Основанием России было и должно быть самодержавие, без него она не может существовать в настоящем своём величии. Свобода в ней должна состоять в ограждении каждого и лично, и по имуществу от притеснений другого и в повиновении всех законам, исходящим от одного высшего источника».²² Прошло десять лет и выяснилось, что перемены жизненно необходимы для выживания самого самодержавия.

Освобождение крестьян было проведено от начала до конца руками государственных чиновников, наиболее дальновидных и умных. Сознательно или нет они добивались двух основных целей, противоречащих друг другу в своей основе: во-первых, создания условий для промышленной модернизации России в интересах прежде всего государства и оздоровления государственных финансов, во-вторых, сохранения помещичьего землевладения с соблюдением всех интересов помещиков. Задача была тем более сложной, что нельзя было ликвидировать крестьянское землевладение и самостоятельное крестьянское хозяйство из-за угрозы социальных потрясений, а также отрицательных экономических последствий. Абсолютное большинство помещиков было неспособно в короткий срок перейти на ведение хозяйства собственными силами и вынуждены были обрабатывать свою землю руками крестьян, сдавая землю им в аренду и заставляя отрабатывать долги и арендную плату. Разрушение даже мало-мощных крестьянских хозяйств также неизбежно привело бы к нарушению продовольственного и сырьевого баланса страны, так как в таком случае потери нельзя было бы восполнить в короткий срок за счёт товарных помещичьих и фермерских хозяйств. А российская промышленность не смогла бы переварить огромную массу рабочих рук, высвободившихся в сельском хозяйстве.

Все эти причины предопределили характерные черты крестьянской реформы, её противоречивость, медленность, непоследовательность.

Сторонники ликвидации крепостного права по разным мотивам – нравственным, религиозным, экономическим, из соображений интересов государства – были и среди членов царской семьи (великий князь Константин Николаевич, брат царя, великая княгиня Елена Пав-

²¹ Цит. по: Российские самодержцы. 1801—1917. М., 1994. С. 162.

²² Российские самодержцы. С. 174.

ловна), и среди чиновников (министр внутренних дел Ланской, его заместитель Левшин, Н. Милютин и другие).

Александр II по традиции начал подготовку отмены крепостного права с создания 3 января 1857 г. Секретного комитета по крестьянскому делу. Но, знамение времени, уже на своём втором заседании в январе 1857 г. этот комитет, составленный из высших сановников во главе с графом А. Орловым, в большинстве крепостников, заговорил о необходимости публикации правительственного указа по крестьянскому вопросу с целью успокоения крестьян и помещиков. Сразу это не удалось, так как не было программы правительства по этому вопросу. К тому же, как и предшественники, Александр II желал, чтобы в деле улучшения быта крестьян непременно инициатива шла от дворянства. А такой инициативы дворянство упорно не хотело проявлять, несмотря на царские намёки и прямые предложения дворянству освободить крестьян сверху, не ожидая, когда они освободят себя снизу. Но к осени 1857 г. виленский генерал-губернатор В. Назимов, личный друг царя с юности, организовал адрес дворянства своих губерний с робкой просьбой проведения реформы по образцу инвентарной реформы. Александр II потребовал срочно подготовить рескрипт, который был принят Секретным комитетом по крестьянскому делу 20 ноября 1857 г. Министр внутренних дел Ланской приказал набрать текст рескрипта типографским способом и на рассвете срочно отправить поездом начальникам губерний и губернским предводителям дворянства.

Таким образом, рескрипт стал известен в стране и царь был буквально вынужден дать указание опубликовать его для всеобщего ознакомления. С этого момента дело отмены крепостного права уже нельзя было повернуть вспять – это неизбежно вызвало бы сильнейшие крестьянские волнения. В дальнейшем Александру II и другим сторонникам реформ неоднократно приходилось прибегать к использованию гласности (сам этот термин, как и «перестройка» широко использовался тогда) для продвижения подготовки и осуществления крестьянской реформы. Одновременно правительство предоставило печати право обсуждать крестьянский вопрос и такое обсуждение, энергичное и разностороннее, шло все годы подготовки, несмотря на временные ограничения.

Александр II использовал гласность и открытость не потому, что был либералом и демократом, наоборот, он был сторонником самодержавия, о чём неоднократно и публично заявлял с первых дней своего царствования, когда поклялся беречь заветы «незабвенного» отца. Прибегать к гласности он был *вынужден* для преодоления сопротивления абсолютного большинства дворян.

С целью преодоления сопротивления реформам Александру II приходилось использовать небюрократические формы разработки и обсуждения проектов крестьянской реформы. К ним относятся губернские комитеты по крестьянскому делу, которые должны были учесть местные интересы дворянства, а также Редакционные комиссии, которые составляли окончательные проекты всех документов. Затем уже эти документы обсуждались в традиционных органах – Главном комитете по крестьянскому делу, Государственном совете и были утверждены Александром II 19 февраля 1861 г.

Губернские комитеты были общественными – в них заседали выборные представители дворянства, а не государственные чиновники и это был, пожалуй, первый случай такого широкого привлечения общественных сил для участия в столь важном деле. Это был чрезвычайно интересный и полезный для общества опыт, хотя в эти комитеты не были приглашены главные заинтересованные лица – крепостные крестьяне.

Редакционные комиссии были созданы в марте 1859 г. под председательством Я. Ростовцева. В них входили 17 представителей министерств и ведомств и 21 член-эксперт из местных помещиков и специалистов. В большинстве своём это были молодые высокообразованные люди, 12 из них работало в Русском географическом обществе. Многие были или стали видными государственными и общественными деятелями – Самарин, Черкасский, П. Семё-

нов (будущий выдающийся географ Тянь-Шанский), Бунге и Рейтерн (оба в будущем министры финансов) и другие. Безусловным лидером и фактическим руководителем работы Редакционных комиссий был Н. Милютин, временно назначенный товарищем (заместителем) министра внутренних дел.

Гласность была присуща деятельности губернских комитетов (некоторые из них даже издавали свои журналы) и Редакционных комиссий. По распоряжению Я. Ростовцева материалы работы его комиссий публиковались тиражом 3 тысячи экземпляров. А после окончания работы Редакционных комиссий в октябре 1860 г. печатные доклады их отделений, журналы (протоколы) общих заседаний, своды проектов губернских комитетов и прочие их труды были изданы в 18 объёмистых томах (в первом издании) и сверх того было опубликовано 6 томов статистических сведений о помещичьих имениях свыше 100 душ и 3 огромных тома замечаний депутатов губернских комитетов.

7.2.4. Как было отменено крепостное право

Состав нового законодательства по крестьянскому и земельному делам был очень большим, кроме Манифеста 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права было ещё 16 различных положений и правил.

Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, в своём первом параграфе провозглашало: «Крепостное право на крестьян, водворённых в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется навсегда».

На этих бывших крепостных были распространены общие положения гражданских законов «О правах и обязанностях семейственных», проще говоря, для вступления в брак не требовалось теперь помещичьего соизволения. Крестьяне получили право юридического лица, могли лично или в составе общества заключать договоры, принимать на себя обязательства и подряды. Им было предоставлено право производить «свободную торговлю» без взятия торговых свидетельств и без уплаты пошлин, открывать и содержать фабрики и другие промышленные и ремесленные заведения, торговые лавки. Крестьяне могли записываться в цехи, производить и продавать ремесленные изделия не только в деревне, но и в городе; вступать в купеческие гильдии. Крестьянин становился юридическим лицом по гражданским, административным и уголовным делам.

Получив статус «свободных сельских обывателей», крестьяне обрели права участия в сходах, составлении мирских приговоров, участия в выборах общественных должностей и право быть избранными, они могли переходить в другие сословия, наниматься в рекруты или просто поступать на военную службу, отлучаться от места жительства. Крестьяне получили право поступать в «общие учебные заведения» и служить «по учебной, учёной и межевой частям» по правилам, установленным «для свободных податных сословий по увольнительным свидетельствам, с исключением из податного оклада».

Личные права крестьян довольно чётко отличались от их «прав» при крепостном состоянии, это было прогрессивной стороной закона, но временнообязанное положение, вызванное крестьянским землепользованием – использованием якобы законной собственностью помещика, сводило на нет эти права. Так, например, провозглашалось, что крестьяне могут быть наказаны только по суду, но здесь же оговаривалось – «или по законному распоряжению поставленных над ними правительственных и общественных властей».

Провозглашено было право выхода из общины, но с труднопреодолимыми условиями. Прежде всего, в первые 9 лет после введения уставной грамоты крестьянин должен был предъявить «приёмный приговор» того сельского или городского общества, которое дало согласие на его приписку. Затем крестьянин должен был отказаться от мирского надела в пользу общества, рассчитаться по всем платежам до 1 января будущего года, не должен был находиться под судом или следствием, его родители должны были дать согласие на его выход (в случае их смерти – справка об этом), гарантировать содержание неспособных к работе родственников, остающихся в старом обществе, волостной старшина выдавал увольнительное свидетельство только после опроса крестьян общества, нет ли препятствий к его выходу. Приём в общество также был обставлен многими затрудняющими условиями.

Ликвидация крепостного права, предоставив крестьянам личную свободу от помещиков, тем не менее не уравнила крестьян с помещиками в гражданских правах, не сделала их равноправными гражданами своей страны. Реформа перевела их из разряда крепостных крестьян не в разряд полноправных граждан, а в разряд податных сословий. Крестьяне продолжали платить подушную подать, при которой прямые налоги налагаются не на имущество, а на лица, и, так как обеспечить платежи в таком случае очень трудно, то сохранялась круговая порука, ограничения в свободе передвижения при помощи паспортной системы и приписки к общине.

Закон признал полную собственность крестьян на движимое имущество, неотчуждаемость усадебной оседлости вплоть до выкупа усадебной земли в полную собственность. Крестьяне получили право приобретать в собственность любое имущество и им распоряжаться (приобретённое раньше на имя помещика могло быть закреплено за крестьянином по решению помещиков или мировых учреждений). Такое же право получило мирское общество как коллективный собственник.

Ограничения были связаны с наделной землёй. Свой надел крестьянин мог продать только с разрешения «мира» и только после 9 лет с момента наделения землёй по уставной грамоте. Внутри общины крестьяне могли эту землю переуступить. Это правило не препятствовало мобилизации земли внутри общины и порывало с традицией уравнительности.²³ Но фактически не действовало из-за сохранявшихся на деле традиций уравнительности и из-за того, что с покупкой или арендой наделной земли передавались выкупные платежи с неё, что делало невыгодными сделки с этой землёй.

Самой главной и сложной проблемой была земельная. По закону предусматривалось сохранение в собственности дворян земель, находящихся под барской запашкой, сохранение за крестьянином сначала в пользование (за повинности), а потом в собственности (за выкуп) дореформенного надела – но фактически были проведены отрезки по требованию дворян. Исчисление повинностей производилось от их дореформенных размеров с некоторым понижением. Государство участвовало в выкупной операции в качестве кредитора. Выкуп не был обязательным для помещиков, но вечность пользования крестьянами землёй и неизменность повинностей буквально толкали помещика на признание выкупа («вынудительный» выкуп, как говорили враги Редакционных комиссий).²⁴

При определении размеров наделов вся европейская часть страны была разделена на 3 полосы – нечернозёмную, чернозёмную и степную, а каждая из полос – на «местности», в зависимости от природных, географических и демографических условий. Для первой и второй полос были определены точные высшие и низшие размеры земельного надела на ревизскую душу. Если дореформенный надел превышал высшую установленную норму, то помещик мог излишек отрезать, и наоборот. Если в распоряжении помещика оставалось менее одной трети удобной земли, а в степной полосе – менее половины, то он имел право дать крестьянам наделы меньше низшего размера. В результате сократился размер более 72% всех крестьянских владений. Наделов не получили дворовые и крестьяне, работавшие на заводах и не имевшие наделов.

На переходный период крестьяне продолжали платить оброк и отбывать барщину. При определении размеров оброка на переходное время и затем размера выкупа первая десятина надела облагалась больше, чем вторая, а вторая больше, чем остальные. Например, при 8 десятинах надела первая десятина ценилась в 4 рубля, вторая – в 1 рубль 60 копеек, а все остальные – по 56 2/3 копейки.²⁵ Таким образом, если полагалась 8-десятинная норма, а у крестьянина оказывалось 7 вместо 8, то оброк сокращался всего на 56 2/3 копейки.

Поэтому крестьяне часто выбирали дарственные наделы в одну десятину без выкупа, надеясь восполнить нехватку земли за счёт покупки и аренды (первоначально рыночные цены на землю были ниже выкупных).

Даже при сохранении прежних (или почти прежних) наделов крестьяне в чернозёмных земледельческих губерниях, где была распространена барщина, оказались в трудном положении. Половину, а то и больше, рабочих сил в этих местностях занимала барщина и теперь, если

²³ Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России... С. 136–138.

²⁴ Захарова Л. Г. Россия на переломе (Самодержавие и реформы 1861–1874 гг.) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в.). С. 313–314.

²⁵ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. С. 228.

крестьяне хотели использовать все свои силы в сельском хозяйстве, им приходилось или арендовать землю у помещика, или самим к нему наниматься, или искать заработка на стороне для уплаты податей, оброков и на покупку необходимых предметов, не изготавливавшихся в крестьянском хозяйстве. С ростом населения нехватка земли усиливалась. Поэтому в земледельческих областях стали расти арендные и покупные цены на землю и расчёты крестьян-дарственников не оправдались. В результате получилось так, что крестьяне богатой по природе чернозёмной полосы в конце XIX – начале XX вв. жили хуже, чем крестьяне в нечернозёмной, где земля давала небольшой доход, но имелись заработки от промыслов и промышленности.

Размер выкупа был таков, что выкупались фактически барщина и оброк, а также личность крестьянина, а не только земля. Крестьяне должны были выплатить 867 млн рублей при стоимости земли 544 млн. К началу XX в. они выплатили более 1 млрд рублей и ещё продолжали платить. При определении размеров выкупа происходила капитализация ежегодного оброка из 6% годовых, т.е. вычислялась сумма, которая при денежных ссудах в 6%, давала помещику доход, равный теряемому оброку. Большую часть выкупа государство уплатило помещику сразу, а крестьяне должны были возвращать выкупную ссуду государству в течение 49 лет в форме выкупных платежей по 6% выкупной ссуды в год. Этот процент был завышен, обычный в то время равнялся 4%.²⁶

²⁶ Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе 1861—1880 гг. С. 19—23.

7.2.5. Последствия отмены крепостного права

Помещики не были готовы к другим методам хозяйствования, кроме крепостнических и потеря крепостных обрекала их на разорение. В нечернозёмных губерниях помещики почти не имели своей пашни, соответственно своего инвентаря, а крестьяне имели большие возможности для неземледельческих заработков. Поэтому в этих местностях помещики постарались отрезать у крестьян луга, выпасы, водопой и подходы к ним и затем вынуждали их брать эти угодья в аренду. Те помещики, которые заводили своё хозяйство с вольнонаёмными рабочими, использовали это зависимое от них положение своих бывших крепостных для работы у себя. В свою очередь крестьяне часто не соглашались обрабатывать помещичьи земли и делали это только тогда, когда помещики взамен сдавали им в аренду недостающие угодья (выгоны и луга). А во многих местах северных губерний ведение хозяйства помещиками вовсе сделалось невозможным и началась распродажа помещичьих имений и земель в нечернозёмных губерниях.

В чернозёмных губерниях положение было совершенно иным. Крестьяне здесь получили сравнительно небольшие наделы, возможности неземледельческих заработков были невелики и крестьянам приходилось или наниматься к помещикам, или брать у них землю в аренду.

Благоприятные условия для земледелия в чернозёмной полосе создавались чрезвычайным ростом хлебных цен – на 50—80% за 20 лет после реформы – из-за большого спроса на него на мировом рынке. В пореформенное время к этому добавляется строительство железных дорог к портам.

Из-за выгоды производства хлеба быстро росла в это время пашня (до аграрного кризиса в начале 1890-х гг.). В 1860-х гг. площадь всей пашни в Европейской России равнялась 88 млн 800 тысячам десятин; через 20 лет пашни было уже 106 млн. 800 тысяч, а в 1887 г. – 117 млн десятин. Но рост пашни происходил неодинаково в разных местах, в нечернозёмных губерниях она даже существенно сократилась. В центральных чернозёмных губерниях пашня выросла всего на 5%, (тут и раньше почти всё было распаханно). В средневожских губерниях за 20 лет после реформы площадь пашни выросла на 35%, в малороссийских – на 13%, в Новороссии – на 98%, в Южном Заволжье – даже на 365%.

Благоприятная рыночная конъюнктура, получение капиталов в виде выкупа и ссуд, открытие земельных банков тем не менее не принесли помещикам ощутимой пользы, хотя их положение в южных местностях и было более устойчивым, чем в северных. Большую часть денежных доходов пошла не на улучшение сельского хозяйства, а были проедены. Помещики предпочли сдавать землю в аренду, так что помещичья запашка сократилась и на юге.

Это объясняется отсутствием собственного инвентаря и привычкой вести своё хозяйство с помощью крестьянского. На Украине и в чернозёмных губерниях преобладала отработочная аренда, самый неэффективный её вид. При такой аренде крестьяне оплачивали аренду пашни обработкой пашни землевладельца собственными орудиями труда на собственных лошадях, т.е. сохранялась барщина под новым названием со всеми её отрицательными последствиями.

К тому же большинство помещиков было мелко- и среднепоместными и на полученные выкупные платежи в принципе не могли устроить самостоятельное интенсивное хозяйство. Уже скоро стала вновь расти задолженность помещиков. При выдаче помещикам выкупных сумм государство удерживало их долг, так что из 588 млн рублей, которые должны были получить помещики в первое десятилетие у них удержали около 262 млн долга, а остальные 326 млн рублей были выданы процентными бумагами, курс которых был низким и реально помещики получили всего 230 млн. рублей. И уже к концу 1860-х гг. помещики были должны вновь 230 млн рублей земельным банкам, к началу 1880-х гг. долг достиг 400 млн, а к концу 1880-х гг. перевалил за 600 млн. И несмотря на все эти долги, полученные выкупные платежи и в черно-

зёмных губерниях помещичье хозяйство мало улучшалось и расширялось. А рост пашни был достигнут за счёт крестьянского хозяйства вследствие широкой аренды помещичьей земли.²⁷

Сокращение помещичьего землевладения шло в убыстряющемся темпе: в 1859—1875 гг. в среднем продавалось по 517 тысяч десятин в год; в 1875—1879 гг. – по 741 тысяче; в начале 1890-х гг. – по 785 тысяч, в начале XX в. – по 1 млн десятин в год.

Крестьянское хозяйство страдало от выкупных и прочих платежей. О тяжести выкупных платежей говорит всеобщее распространение недоимок, особенно в нечернозёмных губерниях. Но большими они были и в чернозёмных, например, в Уфимской многоземельной губернии недоимки составляли от 56 до 173 процентов к сумме причитавшегося платежа. С другой стороны, с момента массового перехода крестьян на выкуп свободная цена на землю выросла и стала выше выкупной. При росте хлебных цен не более чем на 100%, арендные цены в некоторых местах выросли в 4—5 раз.²⁸

Кроме того, крестьяне платили большие налоги и платежи с земли и с душ. Так в 1872 г. сумма всех прямых налогов и платежей с сельского населения равнялась 208 млн рублей, из них только 13 млн падало на земли частных владельцев.

Между различными категориями крестьян платежи распределялись неравномерно. Так, за свои 33,5 млн десятин бывшие помещичьи крестьяне платили 54 млн рублей, а государственные крестьяне за 75 млн десятин – лишь 37 млн рублей.

В целом, непосильные платежи, аренда земель, регулярная нехватка земли и неумеренная распашка лесных и луговых угодий вели крестьянское хозяйство к разорению. Об этом наглядно говорит сокращение поголовья лошадей и скота в расчёте на один двор. Количество рабочих лошадей по 30 губерниям Европейской России на один двор составляло в 1870 г. – 1,53, в 1880 г. – 1,33; крупного рогатого скота в 1870 г. – 1,84, в 1880 г. – 1,65; мелкий скот в 1870 г. – 4,56, в 1880 г. – 3,79. В начале 1890-х гг. до половины крестьян не имели лошадей и только 5—6 процентов имели 2 и более.

Среднегодовые сборы хлебов в пореформенное время росли, хотя и медленно, что видно в таблице 1.

Вывоз хлебов рос очень быстро благодаря высоким мировым ценам и строительству железных дорог. В 1870 г. Россия вывезла 168,4 млн пудов, в 1876—1880-х гг. по 287 млн пудов в год, т.е. почти в 3 раза больше, чем в 1860 г.²⁹

Но бурный рост экспорта хлеба (который искусственно подгонялся правительством ради получения дополнительных доходов и улучшения торгового баланса), вовлечение в торговлю хлебом всех категорий крестьянства, включая маломощных, усиливающаяся распашка земель имели обратную сторону – учащение неурожаев и случаев массового голода среди крестьян. Для России вообще характерна цикличность урожаев. Наиболее убедительное объяснение этого явления сводится к тому, что в стране с низким уровнем земледелия колебания урожаев определяются метеорологическими и климатическими условиями, а также внутренней причинной связью между высокими и низкими урожаями. Благоприятные метеоусловия способствуют высокому урожаю, но при этом происходит быстрое истощение почвы, несколько урожайных лет подряд усиливает истощение почвы и в конце концов приводит к неурожаю. Неурожайный год, а ещё более несколько подряд, способствует, наоборот, накоплению питательных веществ в почве и восстановлению естественного плодородия и урожайности. Так как метеорологические условия разнообразны, взаимодействуют и обладают собственной периодичностью, то в случае совпадения нескольких неблагоприятных факторов с особенным исто-

²⁷ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. С. 334—336.

²⁸ Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII – XIX вв.). Л., 1985. С. 146—147.

²⁹ Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России... С. 254—255.

щением почвы это приводит к чрезвычайному неурожаю, и, соответственно, совпадение благоприятных – к высокому урожаю.³⁰

Для сглаживания перепадов имеются определённые методы: регулярное внесение удобрений, оставление части земли под паром (трёхпольная система), смена культур, влагозадержание и мелиорация. Но нехватка скота, усилившаяся сокращением лугов и пастбищ из-за их распашки, вела к недостатку навоза для удобрения, уменьшение паров ускоряло необратимую деградацию почвы, в Черноземье неумеренная распашка вела к образованию оврагов, по которым уходила влага и в результате усилились засухи, прокладка железных дорог вовлекала в хлебную торговлю те регионы, которые раньше слабо в ней участвовали из-за отдалённости. Всё это способствовало истощению почвы, учащению неурожаев и голода, которым ни крестьянам, ни помещикам нечего было противопоставить. Первый серьёзный неурожай случился в Смоленской губернии в 1867 г., а через три года последовал другой неурожай, главным образом в юго-восточных губерниях, которые считались житницей России и даже Европы. В Самарской губернии неурожай продолжался три года и последовал страшный голод и это в благоприятном и обильном крае. Голод был в 1873, 1880 и особенно сильный в 1891—1893-м гг.

Преодолеть отрицательные тенденции в развитии сельского хозяйства России, добиться повышения производительности труда в деревне и тем самым создать здоровую базу для развития всех отраслей промышленности (а не только тяжёлых, чего добивалось правительство) можно было только путём перехода к интенсивным методам ведения хозяйства: использование плодопеременной системы с резким улучшением агротехники, сельскохозяйственных машин. Но эти меры требуют больших затрат денежных средств и по силам только крупным хозяйствам – помещичьим, крестьянским или купеческим, социальное положение тут не имеет значения. Зато имеет огромное значение психология, установка на постоянное расширение производства, улучшение своей жизни, а не только сохранение того, что есть, наличие духа предпринимательства в массе производителей. А вот этого было крайне мало. Мы видели, что помещики-землевладельцы оказались в большинстве своём просто неспособными на это, а крестьянство задавлено непомерными платежами, малоземельем, ограничением свободы передвижения.

Положительные сдвиги имелись, но незначительные: медленно распространялась плодопеременная система, в конце XIX в. вырос и постоянно увеличивался спрос на сельхозтехнику, появились российские заводы и мастерские по её производству. Но всё это в небольших масштабах было и до 1861 г., а господствовало по-прежнему трёхполье, разбросной метод посева из лукошка, уборка и в самом конце XIX в. в абсолютном большинстве крестьянских хозяйств производилась вручную серпами и косами.

Кроме некоторого снижения выкупных платежей в 1880-е гг. и урегулирования переселений крестьян, правительство практически ничего не сделало для создания условий, которые бы благоприятствовали быстрому распространению интенсивных форм хозяйствования. Более того, ни в правящей верхушке, ни в обществе не было осознания необходимости этого и понимания того, что надо делать. В этом отношении характерна оценка членом партии кадетов историком А. Корниловым мер правительства при Александре III по борьбе с крестьянским малоземельем. Он сочувственно относился к предложениям министра финансов Бунге по оказанию Крестьянским банком помощи в первую очередь совсем малоземельным крестьянам для увеличения надела до его максимального размера по Положению 19 февраля (хотя бы), по созданию условий для аренды казённых земель прежде всего крестьянами и крестьянскими

³⁰ Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия. С. 123—124.

обществами, а не частными лицами (купцами, предпринимателями, кулаками, зажиточными крестьянами).³¹

Эти меры были направлены на сохранение *всего* крестьянства, на сохранение *уравнительных* тенденций, поддержание маломощных хозяйств, предотвращение земельного и имущественного расслоения, а значит препятствовали накоплению средств и земли в руках наиболее энергичных и умелых хозяев и тем самым – переходу к интенсификации сельского хозяйства, они вели к замедлению индустриализации и урбанизации и таким образом способствовали росту диспропорций в экономике страны – разрыву между быстро растущей промышленностью и отсталым сельским хозяйством.

³¹ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. С. 399—400.

7.3. Промышленность во второй половине XIX в. Социально-экономические итоги века

7.3.1. Промышленность в первые пореформенные годы

Под влиянием отмены крепостного права развитие промышленности в России пошло быстрее, хотя и не сразу. Объёмы производства на железоделательных заводах и многих суконных фабриках, где работали посессионные рабочие, даже вначале снизились. Так уральские заводы давали в 1860 г. 14 500 тысяч пудов железа, в 1862 г. – 10 400 тысяч, в 1867 г. – 12 400 тысяч и лишь к 1870 г. они пришли к прежнему объёму, а затем превзошли его. Таким образом, железоделательным заводам потребовалось около 10 лет, чтобы приспособиться к новым условиям. У суконных фабрик на это ушло 5–6 лет. Временные трудности переживали даже бумаготкацкие фабрики, но по другим причинам – из-за тяжёлого торгово-промышленного кризиса в Англии, откуда они получали значительную часть пряжи.

Потрясения, вызванные крестьянской реформой и сопутствующие обстоятельства, привели к падению оборота внутренней торговли. В 1860 г. обороты Нижегородской ярмарки равнялись 105 млн рублей, а в 1861 г. они составили только 98 млн и лишь в 1864 г. превзошли обороты 1860 г., достигнув 111 млн рублей и стали расти дальше.³²

Ликвидация крепостничества выбросила на рынок рабочей силы новые массы крестьян и рабочих, не получивших надела: дворовых, «дарственников», а также сельских хозяев, разорённых непосильными выкупными платежами и возросшими налогами. Несмотря на все усилия стать независимыми хозяевами, крестьяне всё чаще были вынуждены забрасывать земледелие и искать средства существования целиком или частично в качестве фабричных людей или сельских батраков. Это явление было особенно распространённым в Нечерноземье с его бедными почвами. Но эти процессы не стоит переоценивать, имущественное разложение крестьянского хозяйства шло, особенно в первые десятилетия после реформы 1861 г., очень и очень медленно, также как рост рабочего класса. К тому же большинство рабочих из крестьян не порывали ещё долго связей с землёй и надеялись вернуться на свои наделы. Такое положение сохранялось до начала XX в.

Тем не менее после 1861 г. быстрее пошел процесс накопления капиталов. Выкупные платежи перекачивали крестьянские средства в руки государства, помещиков, оборотливых купцов и спекулянтов, игравших на колебаниях курса процентных бумаг. Государство содействовало образованию финансового рынка – Государственный банк получил возможность проводить некоторые коммерческие операции, поощрялось создание частных банков, обществ частного кредита. Банки и общества частного кредита аккумулировали накопленные средства и пускали их в оборот. Началось быстрое образование акционерных обществ, многие из них финансировали растущую промышленность. Сюда притекали крупные суммы от разбогатевших крестьян, торговцев, помещиков. Промышленное акционирование за 13 лет (с 1861 по 1873 гг.) дало 128,9 млн рублей, т.е. 11% всего акционерного капитала, а за следующие 8 лет (с 1874 по 1881 гг.) уже 177,4 млн рублей или 58% всех акционерных вкладов. Наконец, немалую роль сыграли инвестиции иностранного капитала, которые устремились в Россию в расчёте на использование дешёвой рабочей силы и высокие прибыли. К началу XX в. доля иностранного капитала в имущественных фондах российской фабрично-заводской промышленности составляла 36%. Фонды российских банков на три четверти контролировались международным капиталом. На импортную технику приходилось 63% общей стоимости оборудования в промышленности, а часть остального оборудования делалось по зарубежным проектам.³³

³² Там же. С. 281–282.

³³ Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. 1783–1883 гг. М. 1986. С. 38.

Государство, после некоторого увлечения политикой свободной торговли, вернулось к прежней протекционистской системе и поощряло развитие промышленности и торговли таможенными тарифами, гарантиями, субсидиями и кредитными ссудами. Разумеется, в первую очередь поощрялись отрасли, связанные с обороной. Особое внимание уделялось строительству железных дорог, всю пагубность отсутствия которых для державной мощи выявила Крымская война. Даже военную реформу со всеобщей воинской повинностью нельзя было осуществить из-за невозможности провести мобилизацию подготовленного резерва в достаточно короткие сроки.

Протекционистская политика правительства, направленная на насаждение собственной тяжёлой промышленности и строительство железных дорог, в том числе рост казённых дорог к концу века, была по-своему логична и закономерна. Государство было озабочено не развитием капитализма в России, не ростом благосостояния населения, а возрождением и укреплением своей военной мощи и своих позиций на международной арене, а также поддержанием неограниченного самодержавия императоров. В сочетании с большим недоверием к частному капиталу и к буржуазии не должно удивлять стремление к всеобщему контролю над тяжёлой промышленностью, к сохранению и расширению казённых железных дорог и заводов.

Первой железной дорогой в России была Царскосельская, построенная в 1837 г., протяжённостью в 25 верст. Она была построена частными лицами, без всяких гарантий и субсидий от правительства. Строители получили только одну важную льготу – дорога была оставлена в их пользовании на бессрочное время. Дорога строилась два года и обошлась сравнительно дёшево – в 42 тысячи рублей на версту пути, вместе с гражданскими сооружениями (вокзалы, сторожевые будки и прочее). Железная дорога между Петербургом и Москвой строилась казённым способом 9 лет с большими злоупотреблениями, стоило уже 165 тысяч рублей за версту и тысяч умерших на тяжёлых работах.

После Крымской войны правительство решило предоставить строительство железных дорог частным компаниям, ограничившись всяческим содействием и постараться привлечь иностранный капитал. Но опыт получился не всегда удачным.

Было создано «Главное общество постройки железных дорог в России», основными деятелями которого были иностранцы. Это общество получило большие льготы: правительственную гарантию 5% доходов на акционерный капитал, дороги оставались в собственности общества на 99 лет, причём правительство не могло приступить к выкупу ранее 20 лет. Но создание «Главного общества» проходило не на конкурсной основе, в него вошли люди не с деловой хваткой и значительным капиталом, а выбранные царскими сановниками по своему усмотрению случайные и, как оказалось, нечестные дельцы. К тому времени, когда акционерный капитал за границей должен был быть собран, его не оказалось, учредители расписали этот капитал на себя, а денег не внесли. Пришлось выпускать облигации и распространять их в России и надежды на привлечение иностранного капитала не оправдались. «Главное общество» всей программы строительства железных дорог не выполнило: была достроена Варшавская дорога и построена новая между Москвой и Нижним Новгородом. В результате растраты значительной части акционерного капитала, хищнического ведения дела строительство обошлось дорого (100 тысяч рублей за версту), доходность дорог оказалась невысокой и правительству пришлось раскошелиться на крупные суммы для выплаты гарантированного дохода.³⁴

Тем не менее, была осуществлена широкая программа строительства железных дорог и их протяжённость выросла с 1626 км в 1860 г. до 23 091 км в 1881 г. и до 26 554 верст в 1890 г. Настоящий железнодорожный бум Россия переживала в 1890-х гг., когда протяжённость дорог выросла на 13 тыс. верст и достигла почти 40 тыс.

³⁴ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. С. 284—286.

Всё же к концу XIX в. Россия уступала очень многим странам по плотности железнодорожной сети. (Таб. 2).

На долю США приходилось 47% всех железных дорог в мире, Европейской России – 6,4%, по числу вёрст на 1 млн жителей Европейская Россия занимала 20-е место из 27 стран.³⁵ А ведь массовое строительство железных дорог в России и США началось примерно в одно время – после ликвидации крепостничества в России и отмены рабства и гражданской войны в США.

Направление железных дорог в России и железнодорожные тарифы жёстко контролировались государством и были направлены на удовлетворение прежде всего интересов крупной промышленности, на содействие росту экспорта хлеба, а первоочередность строительства дорог определялась военно-стратегическими соображениями.

К чему приводил чрезмерный экспорт хлеба в земледелии уже говорилось, а протекционистский таможенный тариф 1891 г. чрезвычайно удорожал важные для сельского хозяйства предметы, например, железо и сельхозмашины. В результате продолжалось разорение основной массы населения – крестьян, не компенсированное соответствующим развитием промышленности и переходом рабочих рук из земледелия на заводы. Тем самым подрывались условия для сбыта внутри страны продукции тех отраслей промышленности, которые работают на широкий рынок, прежде всего текстильной. Узость внутреннего рынка для текстильной промышленности заставляла её искать внешние рынки сбыта, стремиться к проникновению в Среднюю Азию и на Дальний Восток и это при громадном потенциальном рынке внутри страны.

Тем не менее, именно текстильная промышленность добилась наибольших успехов, в первую очередь хлопчатобумажная, которая всё более завоевывала деревню: количество рабочих в этой отрасли выросло с 76,3 тысяч в 1865 г. до 167 тысяч в 1880 г. Но и до 1861 г. эта отрасль развивалась динамично. Успехи были и в других отраслях промышленности, так в машиностроении в 1865 г. было 17,8 тысяч рабочих, а в 1880 г. – 43,9 тысячи.

В пореформенное время начинает набирать темпы промышленный переворот: в конце 1870-х гг. из 1238 крупнейших предприятий 762 работали при помощи пара.

Большие разногласия и разноречивые оценки темпов и характера промышленного роста России во второй половине XIX в.

Согласно данным академика Н. Дружинина (см. таб. 3)³⁶ и дореволюционного энциклопедического словаря (см. таб. 4—6)³⁷ о числе фабрик, количестве рабочих и объёме производства, за 42 года число фабрик выросло примерно в 4 раза, численность рабочих более чем в 4 раза, а объём производства – приблизительно в 17 раз. Но в сравнении с показателями других стран успехи России были относительно скромными и отставание от США, Германии, Великобритании в производстве чугуна и стали (а, следовательно, и продукции из них) увеличилось, а от Франции только сократилось.

Несмотря на успехи металлургии в России, ввоз чугуна, фасонного железа и стали постоянно рос, а вывоз уменьшался, несмотря на все протекционистские меры правительства. Так в 1851–1860 гг. Россия ввозила в среднем ежегодно 132 тысячи пудов чугуна, 240 тысяч пудов железа и 49 тысяч пудов стали, а вывозила 747 тысяч пудов железа. А в 1898 г. уже – 6773 тысячи пудов чугуна, 19 216 тысяч пудов железа, 4482 тысячи пудов стали, а вывезла всего 274 тысячи пудов железа.³⁸

³⁵ Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 359—360.

³⁶ Дружинин Н. М. Избранные труды. Социально-экономическая история России. С. 353.

³⁷ Россия. Энциклопедический словарь. С. 280, 304—305.

³⁸ Там же. С. 305.

Если крепостническая металлургия России в конце XVIII в. занимала первое место в мире, то с началом промышленного переворота она стала отставать и к 1861 г. удельный вес России в мировом производстве металлов упал до 5%, а к 1880-м годам, при сохранении полукрепостнических отношений на Урале, дошёл до 2% мирового производства чугуна.

Перелом наступил только во второй половине 1880-х гг. с созданием мощной металлургической базы на юге страны. Удельный вес России в мировом производстве металлов стал расти – 3,3% в 1890 г., 7,2% в 1900 г., а по выплавке стали – до 7,8%.

За первые 30 лет после отмены крепостного права общий индекс промышленного производства России увеличился в 3,3 раза. Однако и средний мировой индекс вырос за это время почти на ту же величину, вследствие чего ничтожный к 1860 г. удельный вес России в мировом производстве, всего примерно 1,72%, поднялся только до 1,88%. За время промышленного подъёма в 1890-е гг. объём промышленной продукции России удвоился, тогда как мировой индекс промышленного производства увеличился на 40%. Удельный вес России вырос на треть, но составлял ещё всего 2,4–2,5%, – вдвое меньше, чем удельный вес Франции.³⁹

В 1896–1897-м гг. 77,7% экспорта России составляла по-прежнему сельскохозяйственная продукция.⁴⁰

И это несмотря на промышленный бум 1890-х гг., когда добыча нефти выросла в 2,5 раза, угля – в 3 раза, а металлургическое производство – более чем в 3 раза.

Численность рабочих в крупной обрабатывающей промышленности росла таким образом: 1865 г. – 674 тыс., 1879 г. – около 1 млн, 1890 г. – 1 180 тыс., в самом конце XIX в. – около 3 млн (а всего было около 10 млн рабочих).

На крупных заводах с числом рабочих более 100 было занято в 1879 г. 67% рабочих, в 1890 г. – 71%, из них около половины с числом рабочих более 500. Высокая концентрация рабочих является следствием низкой технической и энергетической вооружённости рабочих, большого распространения немеханизированного физического труда и означала низкую производительность труда. В начале XX в. средняя годовая производительность труда на одного рабочего во всей промышленности России была в 3,5 раза меньше, чем в США в это время и в 1,5 раза меньше, чем в США в 1860 г.⁴¹

Несмотря на почти двойной рост городского населения в абсолютных цифрах, его доля в общей численности населения России выросла незначительно: с 10,6% в 1860-х гг. до 13% в 1897 г.

³⁹ Гиндин И. Ф. Государство и экономика в годы управления С. Ю. Витте // Вопросы истории. 2007, №2. С. 80–81.

⁴⁰ Россия. Энциклопедический словарь. С. 231.

⁴¹ Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. С. 41.

7.3.2. Финансовая система

Несмотря на все старания правительства государственный долг под влиянием выкупной операции, создания железнодорожного фонда, Крымской и русско-турецкой войн 1877—1878-го гг. и других причин вырос с 1 759 млн. рублей в 1858 г. до 4 698,5 млн. рублей в 1880 г., из которых 2 472,8 млн. составляли расходы на военные нужды и покрытие дефицитов.⁴² Даже относительно прогрессивный министр финансов Рейтерн ставил в 1866 г. вопрос о повышении подушного оклада, несмотря на его непосильность для крестьян. Податная комиссия министерства финансов тогда же не смогла придумать ничего лучше, как предложить замену подушной подати подворной, т.е. вернуться на полтора века назад. Зато земские собрания, которые в 1870 г. рассматривали этот проект, в подавляющем большинстве своём отвергли министерский проект и предложили ввести повсеместно подоходный налог. Но министерство финансов, сославшись на трудности введения подоходного налога, предпочло вообще ничего не менять.⁴³

Реформирование податной системы началось лишь в 1880-е гг. при министре финансов Бунге: в 1882 г. были понижены на 12 млн рублей выкупные платежи и постепенно отменена подушная подать. Благодаря этим мерам с крестьян было снято налогов на 53 млн рублей. Хотя некоторая часть этой суммы пала на крестьян же, вследствие повышения питейного налога и превращения оброчного сбора с бывших государственных крестьян в выкупные платежи в увеличенном размере, это не могло уменьшить принципиального значения отмены подушного налога, как меры, которая открывала путь к изменению паспортной системы, отказу от круговой поруки и других отрицательных условий крестьянской жизни. Понижение налогов с крестьян сопровождалось всё большим привлечением к обложению иных, более имущих слоёв населения. Так в 1882 г. был установлен налог с имуществ, передаваемых по наследству или дарению. Но правительство никак не могло решиться на введение подоходного налога и налога на имущество в полном объёме, так как это затрагивало интересы дворянства, которое никаких налогов раньше не платило.

Преемник Бунге на посту министра финансов Вышнеградский проводил другую политику. Не обращая внимания на платёжеспособность налогоплательщиков он стремился собрать максимум средств в казну с целью восстановления золотого обращения. Вышнеградский добился хороших результатов, но окончательно довёл до истощения основных плательщиков налогов – крестьян, что показали неурожай и голод 1891 и 1892 годов.

В 1890-е гг. С. Витте удалось ликвидировать государственный дефицит, повысить золотое обеспечение рубля и начать введение подоходного налога. Об отсталости и несовершенстве податной системы России говорит преобладание косвенных налогов, вся тяжесть которых ложится на низшие слои населения, над прямыми. В России косвенные налоги превышали прямые в 6 раз, в Пруссии – менее чем в 2 раза, в Англии – 2,75 раза, во Франции – в 3 раза.⁴⁴

Одной из основных причин хронических финансовых трудностей Российской империи в XIX в. были постоянные войны и большие военные расходы – около 70 лет из ста империя находилась в состоянии войны. При этом более слабая в экономическом отношении Россия испытывала во время войн существенно бóльшие относительные финансовые нагрузки, чем страны Запада. Например, Великобритания в 1802 г. во время войны с Наполеоном потратила на военное и морское министерство около 57% бюджетных расходов, в 1857 г. – 43%. В другие годы она тратила на эти расходы гораздо меньше. В России же военные расходы во время

⁴² Россия. Энциклопедический словарь. С. 192.

⁴³ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. С. 318—319.

⁴⁴ Россия. Энциклопедический словарь. С. 193, 198.

Крымской войны и русско-турецкой войны 1877—1878 гг. превышали 100% годовых доходов бюджета.

Неразвитость производительных сил страны и соответственно низкий уровень государственных доходов были причиной финансовых кризисов. Главной причиной было тяжёлое положение крестьян. В последние годы XIX в. годовой доход на душу населения составлял в Пруссии 131 доллар, во Франции – 178, в Великобритании – 205, США – 259, в России – 46 долларов. Стремление Российской империи играть роль великой державы, необходимость поддерживать военное могущество, не были подкреплены её реальными экономическими возможностями и требовали от финансовой системы предельного напряжения.⁴⁵

⁴⁵ Юровский В. Е. Кризисы финансовой системы Российской империи в XIX веке. С. 33, 43.

7.3.3. Социальное развитие России в пореформенный период

Несмотря на все успехи здравоохранения и просвещения (особенно в земствах) Россия в этом отношении все ещё была отсталой страной. Численность врачей на миллион жителей в Европейской России составляла 156, а в Норвегии – 275, Австрии – 275, Италии – 280, Германии – 355, Франции – 380, Великобритании – 578. Жителей на одного врача приходилось: в Европейской России – 6450, в Австрии и Норвегии – 3630, в Германии – 2820, во Франции – 2630, в Великобритании – 1730. Причём половина врачей в России жила в губернских городах, четверть – в уездных и только четверть – вне городов. Отсюда частые болезни, высокая смертность, в том числе и детская, и небольшая продолжительность жизни.⁴⁶

На почти 129 млн населения России в конце XIX в. приходилось 52 вуза, 177 мужских гимназий, 58 мужских прогимназий, 104 реальных училища, 55 духовных семинарий, 186 духовных училищ, 163 женских гимназии министерства народного просвещения, 61 женское епархиальное и духовное училище, 30 институтов и 30 женских гимназий ведомства Императрицы Марии и 34 военно-учебных заведения с общеобразовательным курсом. Одно среднее мужское учебное заведение (включая духовные и военные) приходилось на 192 тысячи человек, на одно женское – 415 тысяч. В 1894 г. на медицинских и юридических факультетах 9 университетов училось по 37% студентов, 20% – на историко-филологических и только 5% на физико-математических.

В народных училищах Европейской России всех наименований и ведомств в 1890-е гг. училось 2 800 000 детей (из них 75% мальчики). В Европейской России 1 училище приходилось на 1580 человек, в Сибири – на 2600.⁴⁷ И не удивительно, что в 1890 г., по данным земских переписей, среди мужского крестьянского населения грамотных было 14,8%, среди женского – 2,8%. В это же время в Англии было грамотно более 90% населения, в Голландии – 94,5, во Франции – 90%, в Пруссии – 89%. В Японии к началу XX в. 90% мальчиков посещало начальные школы.⁴⁸

⁴⁶ Там же. С. 225–226.

⁴⁷ Россия. Энциклопедический словарь. С. 398–400.

⁴⁸ Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. С. 47.

7.3.4. Экономические итоги века

Одной из самых популярных концепций истории России XIX в. является концепция «догоняющего развития». Согласно этой теории в результате отмены крепостного права феодальная Россия стала ускоренными темпами превращаться в Россию капиталистическую. Положение «догоняющей» страны позволило государству будто бы снова, как при Петре I, пользоваться плодами прогресса передовых стран, активно «насаждая технико-организационные формы буржуазного хозяйства», но всячески ограничивая «осовременивание» общественно-политической жизни, сознательно консервируя различного рода докапиталистические институты. Толчок буржуазному развитию в России, как и в других странах второго эшелона капитализма, идёт не только и даже не столько изнутри, сколько извне, от уже сравнительно развитого буржуазного Запада, который выступает в качестве примера и внешней угрозы. Отличительными признаками развития капитализма в странах второго эшелона являются: сокращение или даже отсутствие мануфактурного периода; крайняя ограниченность традиционных источников первоначального накопления капитала, например, внешнеторговой экспансии, эксплуатации колоний; вообще снижение экономического значения первоначального накопления как такового, но при чрезмерной роли налогового обложения, внешних и внутренних займов. Для этих стран характерны также с самого начала глубокие противоречия, как внутренние, так и внешние.

Неорганичность буржуазного развития выступает здесь, во-первых, как следствие перепада между сравнительно слабым развитием тех внутренних социально-экономических предпосылок перехода к капитализму, которые имеются в странах второго эшелона к началу их формационного «спурта» (мануфактуры, рост товарно-денежных отношений, накопление купеческого капитала и др.), и уровнем заимствуемых, развитых форм капиталистического хозяйства (фабрики, банки, система кредита и пр.), которые второй эшелон стремиться достичь «сразу». Во-вторых, ещё более велик разрыв между странами первого и второго эшелона капитализма с точки зрения зрелости правовых, политических и культурных предпосылок буржуазной формации.

Для преодоления этих перепадов необходимо время. А времени мало, так как буржуазная модернизация для отставших стран диктуется прежде всего необходимостью противостоять растущей экспансии капитализма Запада, имперскими амбициями и стремлением к потребительским стандартам правящих классов развитых стран. Отсюда резкое сокращение сроков формационного перехода, одновременность, совмещённость различных фаз буржуазного развития, которые на Западе были разделены большими промежутками времени: первоначального накопления, «инкубационного» периода машинного производства, промышленного переворота, «инверсия» (обратная последовательность) этапов складывания крупнокапиталистического производства (создание парового железнодорожного и водного транспорта, формирование тяжёлой промышленности стали рычагом «насаждения» национального капитализма, а в странах первого эшелона всё было наоборот). Вместо стадии классической свободной рыночной конкуренции – своеобразный «государственный капитализм», активное насаждение крупной промышленности, банков, кредитный учреждений «сверху». Таким образом, всё историческое существование российского капитализма ограничивается полутора веками, а период домонополистического капитализма укладывается в 30 лет. Странам Запада понадобилось по несколько веков для того, чтобы только достичь стадии «развитого» капитализма, а Россия за полтора века проскочила все стадии капиталистического развития и перешла к выс-

шей социально-экономической формации – социализму. Наиболее полно эта концепция изложена в книге И. К. Пантина, Е. Г. Плимака и В. Г. Хороса⁴⁹ и в ряде их статей.

Более внимательное изучение истории России XIX в. противоречит данной теории. Авторы говорят об «инверсии», обратной последовательности стадий капиталистического развития, который в России начался с насаждения железных дорог и тяжёлой промышленности, надо полагать после 1861 г. Но уже с конца XVIII в. в России быстро развивалась текстильная промышленность, особенно её хлопчатобумажная отрасль. Она прошла все классические стадии – раздача работы на дом, мануфактура, фабрика. Чтобы убедиться в этом, стоит только посмотреть историю крестьянской промышленности Нечерноземья (Иваново-Вознесенск, Шуя и другие места), проследить возникновение и становление многих династий текстильных фабрикантов конца XIX – начала XX вв. Текстильная и некоторые другие отрасли изначально основывались на вольнонаёмном труде, именно в них крестьяне и купцы накапливали первоначальный капитал и к концу века создали крупные предприятия и мощные промышленно-финансовые группы действительно капиталистического, рыночного характера (Морозовы, Мамонтовы, Гучковы и др.). И в этих отраслях были и свободная конкуренция, и внешняя экспансия из-за узости внутреннего рынка.

А рядом существовали с начала XVIII в. казённые и работающие на казну предприятия горнозаводской, оружейной, суконной промышленности. Именно об этих отраслях заботилось государство, начисто изгоняя дух конкуренции, создавая для них режим наибольшего благоприятствования даже в ущерб другим отраслям промышленности и сельскому хозяйству, особенно после Крымской войны. Эти две линии развития промышленности России (да и экономики в целом) – казённой государственной и предпринимательской, вольнонаёмной шли параллельно, почти не пересекаясь до начала XX в.

Но рано или поздно такое положение должно было кончиться и Россия должна была встать перед выбором: идти по пути казённой индустриализации с внеэкономическим принуждением перемещения рабочей силы из сельского хозяйства в индустрию в интересах правящей верхушки государства или по пути рыночной экономики с индустриализацией в интересах всего общества, с учётом экономических интересов всех слоёв населения. И этот выбор встал перед Россией в полный рост в начале XX в. и капитализм как общество рыночной экономики, свободы личности, правового общества в России ещё впереди, он не кончился в 1917 г., переход к нему, однажды начавшись, идёт в России крайне трудным путём именно из-за противодействия государства, опирающегося на казённую экономику. Авторы концепции «догоняющего» развития делают очень характерную для советских историков ошибку, как и при оценке промышленной деятельности Петра I, отождествляя строительство мануфактур, фабрик, заводов, железных дорог с капитализмом, т.е. с рыночной экономикой, а это глубоко неверно. Сама по себе индустриализация не означает капитализма, рынка, что Советский Союз доказал уже в XX в.

⁴⁹ Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. С. 25—28.

7.4. Российское государство в XIX в.: основные тенденции развития

Новые явления в российской действительности, наметившиеся уже в последние десятилетия XVIII в. – вольнонаёмный труд, втягивание России в европейские рыночные связи и завершение складывания внутреннего рынка в экономике, распространение просвещения, изменения в сознании и поведении пока ещё только высших слоёв общества, проникновение в Россию идей естественного равенства всех людей, рост и усложнение государственного аппарата – всё это требовало серьёзных изменений в политической и социальной сферах. Можно по-разному относиться к личности и государственной деятельности Павла I в период его краткого правления, но даже признавая некоторые положительные моменты в его замыслах и поступках, следует сказать, что методы служения Павлом I своему отечеству, наведения им дисциплины приводили уже тогда к идее не только необходимости его свержения, но и ограничения самодержавия вообще законами и конституционными учреждениями.

Проекты преобразований политической системы России и попытки их осуществления начались с первых дней царствования Александра I и продолжались весь XIX в. Споры о смысле и значении проектов реформ и их самих XIX в. продолжаются до настоящего времени, появился даже термин «революция сверху» по отношению к реформам 1860—1870-х гг. Что же происходило на самом деле? Что задумывалось верховной властью и что получалось на самом деле?

7.4.1. Планы и дела Александра I

Александр I воспитывался Екатериной II в духе уважения к законам, к людям, независимо от их положения, готовя внука к царствованию, она внушала ему мысль о необходимости заботы о государстве и подданных как главной в деятельности монарха. Огромную роль в формировании личности будущего императора сыграл его воспитатель швейцарец Лагарп. Друг юности и соратник Александра I в первые годы его правления А. Чарторыйский уже после смерти царя, вспоминал: «Он признался мне, что ненавидит деспотизм везде, в какой бы форме он не проявлялся, что любит свободу, которая, по его мнению, равно должна принадлежать всем людям, что он чрезвычайно интересовался французской революцией; что, не одобряя этих ужасных заблуждений, он все же желает успеха республике и радуется ему. Он с большим уважением говорит о своем воспитателе Лагарпе как о человеке высокоодарённом, истинно мудром, со строгими принципами и решительным характером. Именно Лагарпу он был обязан всем тем, что было в нём хорошего, всем, что знал, и в особенности – тем принципам правды и справедливости, которые он счастлив носить в своём сердце и которые были внушены ему Лагарпом»⁵⁰.

Оказавшись на престоле в результате убийства своего отца Павла I в ночь с 11 на 12 марта 1801 г., Александр I уже указом от 15 марта 1801 г. объявил полную амнистию политическим ссыльным, заключённым в тюрьмах и эмигрантам, всего было освобождено 536 человек из 700, числившихся по спискам Тайной канцелярии. А 2 апреля была ликвидирована сама Тайная канцелярия, наводившая ужас на российских жителей. В это же время было восстановлено в своих правах около 10—12 тысяч офицеров и чиновников, лишённых их при Павле I по суду и без суда, было отменено запрещение ввоза книг и нот из-за границы, разрешены частные типографии, снят запрет на поездки за границу, восстановлены жалованные грамоты дворянству и городам, солдаты избавлены от буклей. Был затронут крестьянский вопрос: Академии наук, которая издавала ведомости и публичные объявления, было запрещено принимать объявления о продаже крестьян без земли.

Эти меры означали лишь ликвидацию в основном наиболее одиозных распоряжений Павла I, не требовали какой-либо подготовки и не означали серьёзных перемен в существовавшем строе. В то же время был создан «непременный совет» из 12 сановников, который должен был быть совещательным органом при царе, но особой роли не имел. 5 июня была образована комиссия для составления законов, предназначенная не для выработки новых, а для согласования уже существовавших законов и издания их свода, так как беспорядок в этом деле создавал благоприятные условия для злоупотреблений.

В июне 1801 г. начал работать Негласный комитет в составе молодых друзей Александра I Строганова, Новосильцева, Чарторыйского и Кочубея. Задачей комитета было изучение положения дел и реформирование правительственного механизма. В Негласном комитете обсуждались проекты разграничения и уточнения полномочий высших государственных учреждений. В результате 8 сентября 1802 г. по проекту этого комитета были учреждены министерства вместо коллегий. Тогда же была проведена реформа Сената. Идея преобразования Сената в законодательное учреждение (в плане разделения компетенции между верховными органами власти) была отвергнута и он по сути остался органом государственного надзора над администрацией и высшей судебной инстанцией.

При обсуждении проекта реформы Сената и её осуществлении выявились ограниченность либеральных взглядов Александра I и их абстрактность. В компетенцию Сената был включён пункт о надзоре Сената над министерствами, по которому министры должны были

⁵⁰ Цит. по: Российские самодержцы. С. 35—36.

представлять ему годовые отчёты и при выявлении неправильных действий министерства, Сенат получал право докладывать императору о необходимости привлечения соответствующего министра к ответственности. Этот пункт вызвал резкие возражения Александра I, который опасался, что в таком случае Сенат станет препятствием для преобразований и долго не соглашался на предоставление Сенату права контроля над министерствами даже в таком умеренном виде. При первой же практической попытке поставить под контроль даже не его действия, а деятельность его чиновников, Александр I оказал упорное сопротивление.

Но без чёткого разграничения полномочий органов власти, без создания системы взаимного контроля, без предоставления высшим учреждениям хоть какой-то независимости и самостоятельности все попытки Александра I навести порядок, установить равенство перед законом и прочие либеральные проекты оборачивались пустыми мечтами и заканчивались разговорами. Так в регламенте Сената был пункт, по которому Сенату предоставлялось право высказывать свои возражения против новых указов, если они не соответствовали законам, неясны по своему смыслу или неудобны по тем или иным соображениям. Но если в таком указе не будет сделано изменений, то он остаётся в силе. Вскоре представился случай Сенату реализовать это своё право. По докладу военного министра Александр I определил, что все дворяне унтер-офицерского звания обязаны служить в военной службе 12 лет, что противоречило жалованной грамоте дворянству и сенатор граф С. Потоцкий предложил опротестовать этот указ. И это было сделано с ведома самого Александра I, но его реакция на единодушное мнение Сената оказалась резко отрицательной. Александр I не только оставил указ в силе, но и лишил Сенат права возражать.

После фактического прекращения заседаний Негласного комитета в мае 1802 г. обсуждение важнейших государственных дел и разработка административных преобразований сосредоточились в Комитете министров, в состав которого вошли почти все члены Негласного комитета. Ведущую роль играло Министерство внутренних дел, где министром был Кочубей, а его заместителем Строганов. Там же в это время работал молодой талантливый чиновник М. Сперанский, сыгравший большую роль в разработке проектов преобразований и в совершенствовании бюрократической машины.

В 1803 г. М. Сперанский составил записку, в которой обрисовал всю трудность положения в стране и в которой писал: «В настоящем порядке вещей мы не находим самых первых элементов, необходимо нужных к составлению монархического управления [под монархическим управлением Сперанский разумел конституционное]. В самом деле, каким образом можно основать монархическое (т.е. конституционное) управление по образцу, выше нами изложенному, в стране, где половина населения находится в совершенном рабстве, где сие рабство связано всеми почти частями политического устройства и с воинской системой и где сия система необходима по пространству границ и политическому положению? Каким образом можно основать монархическое управление без государственного закона и без уложения? Каким образом можно постановить государственный закон и уложения без отделения власти законодательной от власти исполнительной? Каким образом отделить власть законодательную без сословия (т.е. учреждения) независимого, её составляющего, и без общего мнения, её поддерживающего? Каким образом составить сословие (т.е. учреждение) независимое без великого и, может быть, опасного превращения (т.е. переворота) всего существующего порядка – с рабством и без просвещения? Каким образом установить общее мнение, сотворить дух народный без свободы тиснения (печати)? Каким образом ввести или дозволить свободу тиснения без просвещения? Каким образом установить истинную министерскую ответственность там, где отвечать некому и где отвечающий и вопрошающий составляют одно лицо, одну сторону?

Каким образом без ответственности могут быть охраняемы законы в исполнении? Каким образом может быть обеспечено самое исполнение без просвещения и обилия в исполнителях?...».⁵¹

По мнению Сперанского, все эти проблемы необходимо было разрешить, а потом уже вводить конституцию, а пока он предлагал самодержавие сохранить, усилить народное мнение, которое должно влиять на власть и постепенно вводить новые учреждения, которые бы «приспособляли дух народный» к восприятию идеи конституции.

Наиболее прогрессивные деятели того времени главным препятствием для введения конституционного строя считали крепостное право, но отменять его без просвещения полагали опасным делом, а просветить народ при крепостном праве было нелегко. Получался своего рода заколдованный круг, выйти из которого предполагалось путём длительных и упорных усилий и первоочередную задачу видели в просвещении. И именно просвещению уделялось много внимания правительством в первое пятилетие XIX в. Были образованы новые университеты – Харьковский, Виленский, Дерптский, Казанский, Петербургский главный педагогический институт (потом университет). Во главе учебных округов были поставлены просвещённые и деятельные люди, например, М. Н. Муравьёв (бывший учитель Александра I и отец декабриста), Н. Новосильцев, А. Чарторыйский и другие. Наивысшие расходы на образование при Екатерине II составляли 780 тысяч рублей в год, а в 1804 г. было отпущено 2 800 тысяч рублей. В 1804 г. появился первый университетский устав, который был основан на принципе уважения к науке и свободе преподавания, давал автономию университетским советам, которая потом была ограничена и уничтожена к концу царствования Александра I. Много было сделано для развития низшего и среднего образования. Но начавшиеся с 1805 г. войны с Наполеоном привели к резкому снижению расходов на образование.

В 1804 г. был издан первый в России цензурный устав, который вводил предварительную цензуру и его нельзя считать в строгом смысле либеральным, но он давал совет цензорам быть благожелательными к авторам. Фактически не столько благодаря этому уставу, сколько либеральному настроению правительства, журналы пользовались в то время значительной свободой.

Кроме журналов в первый период правления Александра I появилось много книг: экономических, политических, юридических и философских, главным образом изложения и переводы сочинений второй половины XVIII в. Александр I выдавал даже субсидии переводчикам, на эти субсидии были переведены сочинения А. Смита, Бентама, Тацита, также появились переводы Беккарии, Монтескье, Мабли и других.⁵²

После перерыва в преобразовательной деятельности, вызванного войнами 1805 и 1807-го гг., Александр I провёл ряд реформ государственного управления в 1810—1811-м гг. Подготовка к ним шла с конца 1808 г. в ходе бесед Александра I со Сперанским, ставшим к этому моменту его ближайшим сотрудником. Результатом этих бесед явилось «Введение к Уложению государственных законов», написанное Сперанским.

Сперанский доказывал необходимость коренных реформ в России закономерностями всемирной, и особенно европейской, истории, которые выражались в неумолимом переходе «от феодального правления к республиканскому» и никто не смог противостоять этому неумолимому процессу.

Тем же самым путём, по мнению Сперанского, шла Россия. Исходя из положения в государстве, из изменения отношения народа к самодержавной власти, из явного упадка её авторитета, из очевидной невозможности справиться с положением «частными исправлениями», прямо заявляя о «всеобщем неудовольствии», «сильном желании другого порядка вещей», Сперанский делал однозначный вывод: «...настоящая система правления не свойственна уже

⁵¹ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. С. 74.

⁵² Там же. С. 69.

более состоянию общественного духа, и настало время переменить её и основать новый вещей порядок», что означало ограничение самодержавия и создание конституционной монархии.

В основу реформы Сперанский предлагал положить принцип разделения властей. Во «Введении» для реализации этих положений предлагалось законодательную власть сосредоточить в новом органе – Государственной Думе, исполнительную – в министерствах, а судебную отдать Сенату.

В России таким образом вводились бы гражданские и политические права, выборное начало и существенно ограничивалось самодержавие. Всё население делилось на три категории: дворянство, люди среднего состояния и народ рабочий, к которому относились «поместные крестьяне, мастеровые, их работники и домашние слуги».

Определёнными гражданскими правами во «Введении» наделялись *все* жители страны, включая крепостных крестьян. Так, ни одно лицо не могло быть наказано без суда. Политическими правами наделялись только первые две категории населения. Право участия в судопроизводстве, принятии законов, наблюдения за действиями исполнительной власти получали только лица, владевшие недвижимой собственностью. На деле осуществление политических прав предусматривалось путем создания системы выборных дум: волостных, окружных, губернских и Государственной.

Государственная дума должна была стать законодательным органом, ограничивающим власть монарха: ни один закон не мог быть издан без предварительного одобрения Думой. Дума получала право широкого контроля над высшими органами исполнительной власти: министры несли полную ответственность перед ней, Дума имела право указывать на нарушение коренного государственного закона верховной властью и требовать своевременного представления отчётов. Император самостоятельно, помимо Думы, мог принимать решения только о войне и мире и в случае чрезвычайных обстоятельств. А также имел право издавать частные указы.

Предусматривались ежегодные сессии Думы в сентябре, верховная власть могла лишь отсрочить созыв Думы на год или назначить новые выборы.

Сенат становился высшей судебной инстанцией, он лишался административных и контрольных функций. Сенаторы избирались бы губернскими думами, а приговор Сената был бы окончательным. За верховной властью оставалось только право надзора за соблюдением одинаковых форм суда по всей территории страны.

Исполнительная власть предоставлялась министерствам, а также губернским и окружным правительственным органам. Вводился принцип ответственности исполнительной власти перед законодательной в лице Государственной и губернских дум.

Вершиной новой государственной системы должен был стать Государственный совет. Он служил бы своеобразным связующим звеном между императором и новой организацией законодательной, исполнительной и судебной власти. Члены Государственного совета назначались императором и он становился своеобразной палатой лордов, где происходило бы первоначальное обсуждение всех важнейших государственных дел.

Император сохранял всю полноту управления страной в исполнительной части, он обладал исключительным правом законодательной инициативы, т.е. только он мог предлагать законопроекты, а также утверждал все новые законы. Однако власть императора сильно ограничивалась новыми выборными органами: предлагаемый закон не мог миновать Государственную думу, монарх также решительно отделялся от судопроизводства, он мог только контролировать соблюдение судами установленных законов.⁵³

Проводить преобразования Сперанский предполагал постепенно, не сразу открывая весь замысел, но и не затягивая дело. Начинать предполагалось с открытия Государственного совета 1 января 1810 г. К 15 декабря 1809 г. уже должны были быть готовы «органические законы сего

⁵³ Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. С. 29—32.

установления в том самом порядке, как они в свое время войдут в состав Государственного уложения (т.е. конституции)». К 1 мая 1810 г. намечалось устроить исполнительную часть, затем принять к сентябрю гражданское уложение и обсудить судебную часть. Открытие работы Государственной думы предусматривалось 1 сентября, а вслед за этим следовала бы и судебная реформа и таким образом к 1811 г. Россия оказалась бы преобразованной.

Вероятно, предложения Сперанского были представлены Александру I и одобрены им. Во всяком случае, 1 января 1810 г. было объявлено о создании нового высшего органа власти – Государственного совета и открылось его первое заседание. В своей речи на открытии Совета Александр I среди вопросов, которыми должен был заняться Госсовет, назвал обсуждение проекта государственного уложения, предстоящее преобразование министерств и рассмотрение состояния государственных финансов. В 1811 г. в Совете обсуждалась разработанная Сперанским судебная реформа.

Однако Государственный совет оказался не тем органом, который предусматривался проектом Сперанского. Он предлагал сделать Совет связующим звеном между императором и тремя принципиально новыми формами государственной власти – Государственной думой (законодательство), Сенатом (суд) и министерствами (исполнительная власть). Реальный же Государственный совет получил совершенно другую функцию – исключительно законосовещательного органа, все законы должны были проходить через него, но он их не принимал, а только обсуждал, право принятия закона осталось за императором.

Вскоре выяснилось, что Александр I не склонен считать себя связанным мнением большинства Совета. Из 242 дел, по которым в 1810—1825 гг. в Государственном совете были разногласия, Александр I в 159 случаях утвердил мнение большинства, в 83 случаях меньшинства (причём в 4 случаях это было мнение одного человека). Естественно, все остальные предложения Сперанского остались на бумаге. Государственный совет скоро был наделён, помимо законосовещательной функции, судебными и контрольными наряду с Сенатом. А так как законы обсуждались ещё в Комитете министров и комиссии законов, то даже упорядочивания и разграничения полномочий и функций высших органов власти не произошло.

В марте 1812 г. без всяких объяснений и обвинений Сперанский был отправлен в ссылку и вернулся в Петербург только через 9 лет. Начавшаяся вскоре война прекратила работу по составлению проектов преобразований, но после заграничных походов эта работа возобновилась. В 1815 г. Александр I даровал конституцию Царству Польскому. В речи на открытии первого польского сейма в 1818 г. он пообещал недвусмысленно со временем распространить конституционное устройство на всю Россию. Эта речь Александра I была очень быстро напечатана в русских газетах, что должно было означать решительность намерений императора. И действительно, вплоть до 1820 г. в Варшаве, в канцелярии Новосильцева, шла работа по написанию конституции для России, основой для которой явилась конституция Царства Польского.

Польская конституционная хартия определяла, что Царство Польское навсегда присоединяется к России, русский император объявлялся польским царём, его власть законодательно ограничивалась хартией, соблюдать которую император обязывался особой клятвой. В хартии было записано, что «польский народ будет иметь на вечные времена народное представительство», состоящее из двух палат: Сената и палаты депутатов. Члены Сената пожизненно назначались императором, члены нижней палаты избирались путём прямого голосования. Избирательное право получали все дворяне, достигшие 21 года и обладавшие недвижимостью, и остальные граждане, имевшие недвижимую собственность и уплачивающие за неё налог, кроме польских крестьян, уже тогда лично свободных.

Несмотря на сословный характер и высокий имущественный ценз, избирательная система Польши была более прогрессивной, чем в европейских странах. Так во Франции

в 1815 г. имелось 80 тысяч законных избирателей, а в Польше с её меньшими территорией и численностью населения их насчитывалось 100 тысяч.

В отношении полномочий народного представительства и соотношения власти сейма и императора польская хартия имела двойственный характер. С одной стороны, она закрепляла за императором только исполнительную власть, но с другой – позволяла ему вмешиваться в дела законодательной и судебной. Кроме того, польская хартия гарантировала полякам политические свободы: печати, равенства всех сословий перед законом, неприкосновенность личности.

В октябре 1819 г. в Варшаве Александр I рассмотрел и утвердил принципы будущей конституции России, известные как «Краткое изложение основ». Многие разделы в этом документе были ещё мало разработаны, но видна близость к польской хартии 1815 г. и в целом он является типичным образцом конституционных проектов того времени. В нём нашли отражение самые существенные черты европейского государственного устройства: разделение властей, независимость одной ветви власти от другой, равенство всех граждан перед законом, народное представительство, состоящее из назначаемой императором верхней палаты и избираемой нижней и т. д.

Окончательный вариант конституции России под названием «Государственная уставная грамота Российской империи» был готов к осени 1820 г. В этом документе сделано много отступлений назад по отношению к польской хартии и «Краткого изложения основ». Существенно усиливалась законодательная власть императора, хотя сейм сохранял право вето на законодательные акты императора. Наряду с общероссийским сеймом предусматривались сеймы наместничеств, на которые делилась страна, было записано, что эти выборные органы лишь содействуют императору в управлении государством. Эти отступления могут объясняться желанием замаскировать прежде всего от дворянства истинные замыслы императора по конституционному переустройству России (во всём тексте ни разу не упоминается слово конституция) с целью преодолеть недовольство и страх дворянства перед конституцией, введение которой в его сознании тесно связывалось с неизбежным освобождением крестьян.

Но дело не только в этом, что видно в новой редакции избирательной системы. По Уставной грамоте избиратели определяли только кандидатов в депутаты, из которых император делал окончательное назначение.

И здесь, как и в случае с Сенатом в 1802 г., если Александр I сталкивался с чем-то, что ущемляло привычную бесконтрольность, что ограничивало его возможности действовать по своему, его теоретические представления тут же отступали на второй план.

Серьёзно искажен был принцип ответственности исполнительной власти перед народным представительством – император имел право представлять на его обсуждение отдельные части общегосударственного отчёта, но мог этого и не делать. Вообще, сейм должен был заниматься теми делами, которые поручал ему император, а если не поручал, то ничем.

Органами центральной исполнительной власти в «Уставной грамоте» устанавливались Государственный совет и министерства. Серьёзным образом перестраивалась местное управление, вся страна делилась на 10—12 наместничеств, которые имели свои органы управления.

Принцип независимости суда от других частей управления провозглашался довольно определённо, хотя допускались отклонения (так в лице сенатора соединялись фактически законодательная и судебная власть).

Провозглашались гражданские и политические права: свобода слова, вероисповедания (но православная религия объявлялась господствующей, а политические и гражданское равноправие предусматривалось только для христиан), равенство всех перед законом, неприкосновенность личности, свобода печати, а также гарантии частной собственности.

С. Мироненко отмечает, что при всей буржуазности характера «Уставной грамоты» не следует преувеличивать её последовательность и радикальность. В «Уставной грамоте»

основополагающий принцип всех европейских конституций того времени – суверенитет народа, т.е. признание народа источником государственной власти, заменён суверенитетом императорской власти. В статье 12 сказано прямо и недвусмысленно: «Государь есть единственный источник всех в империи властей гражданских, политических, законодательных и военных». И это не отвлечённый теоретический вопрос, а принципиально важное положение, которое определило главный феодальный недостаток проекта – проникновение императорской самодержавной власти во все сферы государственной жизни, сохранение её определяющего влияния на все стороны жизни страны. Также сохранялись все дворянские привилегии, а о крепостном праве даже не упоминалось.⁵⁴

Постепенно Александр I потерял всякий интерес даже к проекту конституции России, не было никаких попыток его реализации и он остался неизвестным в то время.

⁵⁴ Там же. С. 150—155, 189, 196—197.

7.4.2. Государство в период правления Николая I

Период правления Николая I единодушно считается временем самой глухой реакции, «чугунным временем». Но и в это время, особенно в первые годы царствования, готовились проекты преобразований, обсуждался в секретных комитетах крестьянский вопрос. В ходе следствия над декабристами перед Николаем I открылась довольно неприглядная картина: тяжёлое экономическое положение государства (дефицит бюджета), неэффективность государственного аппарата, коррупция и злоупотребления чиновничества, многое другое. Николай I повелел сделать выборку из показаний декабристов с предположениями о самых необходимых мерах для улучшения положения в стране и она находилась у него в кабинете постоянно. 6 декабря 1826 г. был даже создан Комитет, состоявший из крупных деятелей царствования Александра I (Сперанский, кн. А. Голицын, граф П. Толстой, Дибич, Ил. Васильчиков), а делопроизводителями были назначены молодые статс-секретари Блудов и Дашков. Задачей Комитета (который известен как Комитет 6 декабря) была разборка бумаг Александра I, пересмотр основ и уставов государственного управления и разработка предложений о его совершенствовании. Комитет заседал более или менее регулярно до 1832 г., но без каких-либо заметных результатов.

В первые годы царствования Николая I была проведена грандиозная работа по упорядочиванию российского законодательства – кодификация законов (задуманная Александром I ещё в первый год правления). До этого времени формально продолжало действовать Уложение 1649 г., а все последующие законы и указы не издавались, не классифицировались, устаревшие не отменялись. По каждому делу приходилось для обоснования судебного решения делать выписки из множества правовых актов, которые иногда составляли несколько сот страниц. В многочисленных законах трудно было разобраться и понять, как должно решить дело и это давало богатейшие возможности для злоупотреблений продажных чиновников, чем они беззастенчиво пользовались.

Сенатский чиновник И. Селиванов вспоминал: «При неимении не только Свода, но даже простого собрания законов уголовные палаты проводили в своих решениях такие законы, которые никогда издаваемы не были... Высочайшие указы по получении подшивались один под другим, и из этого к концу года составлялась книжища страшной толщины, в которой, чтобы отыскать что-нибудь, надо было перелистать всю книжищу от первого листа до последнего. А как таких книжищ, чтобы найти что-нибудь, надо было пересмотреть целые десятки, то, право, откажешься от всякой проверки, махнешь рукой и скажешь: вероятно, верно, ежели написано».⁵⁵

Работа по кодификации была сосредоточена во II-м отделении императорской канцелярии под руководством Сперанского. И это практическое дело крупнейшего составителя проектов реформ было сделано с блеском. В результате появилось два издания: Полное собрание законов Российской империи в 47 томах и Свод действующих законов в 15 томах.

Для Николая I было характерно стремление к усилению личного контроля над всеми сторонами жизни общества.

Фрейлина императрицы А. Ф. Тютчева писала о Николае I и его царствовании: «Угнетение, которое он оказывал, не было угнетением произвола, каприза, страсти; это был самый худший вид угнетения, угнетение систематическое, обдуманное, самодовлеющее, убеждённое в том, что оно может и должно распространяться не только на внешние формы управления страной, но и на частную жизнь народа, на его мысль, на его совесть и что оно имеет право из великой нации сделать автомат, механизм которого находился бы в руках владыки... И вот

⁵⁵ Российские самодержцы. С. 130.

наступил час испытания, вся блестящая фантазмагория этого величественного царствования рассеялась как дым. ...В короткий срок полутора лет несчастный император увидел, как под ним рушились подмостки того иллюзорного величия, на которые он воображал, что поднял Россию».⁵⁶

Большую роль в управлении государством стала играть личная канцелярия императора с пятью её отделениями. Канцелярия царя руководила политической полицией: в 1826 г. (26 июня, в день рождения Николая I) был образован корпус жандармов, а через несколько дней все дела тайной полиции были переданы её III-му отделению. Во главе обоих учреждений был поставлен А. Бенкендорф.

Усилению полицейского контроля служил также цензурный устав 1826 г., прозванный «чугунным». Смягчённые параграфы цензурного устава 1827 г. компенсировались строгими секретными инструкциями цензорам не допускать никакой «крамолы». Задачу «держать и не пущать» преследовали также царский рескрипт 1827 г. об ограничении возможностей получения образования детьми крепостных крестьян, постановление 1831 г. о запрете обучения детей от 10 до 18 лет за пределами России, ограничение с 1834 г. выезда россиян за границу, полный запрет с 1844 г. выезда за рубеж по какой-либо личной надобности лиц моложе 25 лет.

Как практически все российские самодержцы, Николай I был абсолютно уверен во всемогуществе государства как единственного выразителя интересов общества. Сам Николай I определил своё понимание сути отношений общества и отдельных его членов с верховной властью: «Сомневаюсь, чтобы кто-либо из моих подданных осмелился действовать не в указанном мною направлении, коль скоро ему предписана моя точная воля». М. А. Рахматуллин обращает внимание на общую тенденцию николаевского царствования к военизации государственного аппарата, начиная с самого верха – Комитета министров. В нём в 1840-е гг. лишь трое из 13 членов имели гражданские чины и то только потому, что по профессиональным соображениям их нечем было заменить из числа военных. К концу царствования 41 губернию из 53 возглавляли военные. Император был абсолютно убеждён, что образцом идеально устроенного общества является дисциплинированная армия: «Здесь порядок, строгая безусловная законность (имеются в виду параграфы воинского устава. – М.Р.) никакого всезнательства и противоречия, всё вытекает одно из другого».⁵⁷

* * *

Реформаторские затеи Александра I были однозначно утопическими, легковесными. Для конституционного, правового строя в России первой четверти XIX в. не было никакого социально-экономического, политического и культурного основания. В. Томсинов так характеризовал деятельность Негласного комитета (и это определение с полным правом можно распространить на все проекты и на деятельность Александра I и многих подобных реформаторов вплоть до настоящего времени): «Среди знавших о деятельности комитета не было почти никого, кто бы относился к реформаторству друзей Александра равнодушно, то есть никак. Почти все относились к нему серьёзно. Всерьёз верили в то, что образованные на западноевропейский манер, не имеющие никакого опыта государственного управления, да и не знающие как следует России, молодые люди смогут разработать разумный план планомерного, сознательного преобразования этой огромной, необъятной умом и сердцем страны, которую в прошлом её гнули и ломали, заливали кровью и развращали, перекраивали и перестраивали, но которая тем не менее всегда жила и развивалась по-своему – так, как того хотелось ей, а не какому-либо пресловутому вождю – «гению»!

⁵⁶ Цит. по: Российские самодержцы. С. 157.

⁵⁷ Рахматуллин М. А. Император Николай I глазами современников // Отечественная история. 2004, №6. С. 78–80.

Странная эта вера отражала дух времени, когда человеческий разум казался могущественнее всего, что есть на свете, – могущественнее даже и самой человеческой истории. Лёгкость, с каковой, опираясь на разум, удалось развенчать прошлое и вконец расправиться с ним, возбуждала мысль о том, что так же легко можно будет, пользуясь разумными идеями – рецептами, спроектировать и построить будущее. Исторические основы того или иного народа, его культурно-национальные особенности считались детскими погремушками, явлениями, не имеющими сколько-нибудь большого значения для будущего. Главным казалось найти правильные идеи – принципы устройства будущей политической организации и составить из них соответствующую схему. Последняя, будучи введённая в действие, немедленно и сама по себе даст положительный результат. Идеи, возникшие на западноевропейской почве, мыслились поэтому вполне пригодными для России. А люди, проникнутые ими, долгое время жившие за границей, представлялись серьёзными реформаторами».⁵⁸

Стоит заметить, что всё сказанное точно также относится к идеям, выросшим на коммунистической, патриотической или великодержавно-националистической почве и к людям, эти идеи исповедующим. Дело не в идеях, а в принципиальной невозможности перестроить или построить на пустом месте общество по умозрительной схеме.

Ещё одна причина колебаний, нерешительности и конечного отказа от реформ Александра I – чересчур грандиозная, непомерная по масштабам, работа вырисовывалась по мере проработки проектов и это при темноте народа, сопротивлении дворянства и чиновничества.

⁵⁸ Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М.М.Сперанского. М. 1991. С. 109—110.

7.4.3. Реформы 1860—1870-х годов

В совершенно другой ситуации находился и совершенно другие цели ставил перед собой Александр II. Александр I правил в период экономического подъёма в России, её политического величия и ставил целью совершенствование всего общественного строя страны на конституционных основаниях. Александр II получил в наследство государство униженное, расшатанное поражением в Крымской войне, когда старые самодержавные методы управления потерпели крах. Перемены требовались для укрепления самой самодержавной власти. Отмены крепостного права и усилий по созданию железнодорожной сети и тяжёлой промышленности было недостаточно. Ликвидация вотчинной власти помещиков требовала реформы местного управления, необходимость повышения производительности труда в сельском хозяйстве порождала надобность в развитии начального образования, медицинской помощи крестьянам, распространении агрономических и ветеринарных знаний, строительства дорог в сельской местности и т.д., получение крестьянами личных прав, развитие экономических отношений, необходимость обуздания произвола чиновников требовали кардинальной реформы суда, эти реформы и потребности промышленности, создавая спрос на квалифицированных юристов, врачей, инженеров, привели к университетской реформе и расширению среднего и высшего образования, для преодоления сопротивления наиболее реакционной части дворянства и бюрократии приходилось использовать гласность и временно смягчать цензуру. И, наконец, воссоздание военной мощи России было невозможно без военной реформы.

«Русское судопроизводство начинается во мраке, тянется в безмолвии, украдкой, часто без ведома одной из участвующих сторон и оканчивается громадою бестолковых бумаг. Нет адвоката, чтобы говорил за дело, нет присяжных, чтобы утвердить событие и, в особенности, нет гласности, чтобы просветить, удержать и направить облечённых судебной властью», – так описывал дореформенный суд декабрист М. Лунин.⁵⁹

Судебная реформа была наиболее радикальной. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. решительно порвали с дореформенным судостроительством и судопроизводством. Новый суд строился на бессословных началах, были провозглашены несменяемость судей, независимость суда от администрации, гласность, устность и состязательность судопроизводства.

⁵⁹ Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России... С. 214.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.